

БИБЛИОТЕКА ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

А. Белоухов

**ОНИ
НЕ
УЙДУТ**

выпуск 32

БИБЛИОТЕКА ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

А. Белоусов

ОНИ НЕ УЙДУТ

ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1967

Краеведы уральского города Чусового в лесной глухомани, у Коровьей речки, обнаружили интересную находку. Поржавевшие походные кухни, остовы орудийных лафетов и армейских повозок, винтовки и патроны английского производства...

Как они попали сюда?

Станция Чусовская связывает в один узел линии, идущие на Нижний Тагил, Пермь и Кизел. Через нее пролегли пути многих белых полков при наступлении на Урал и при отступлении под напором Красной Армии. Под угрозой расстрела заставляли колчаковцы машинистов — вести поезда, слесарей — ремонтировать паровозы и вагоны, путейцев — ремонтировать линии. Но не были сломлены террором рабочие-железнодорожники. Началась так называемая рельсовая война. Неожиданно рушились под откос вагоны с колчаковской техникой, взрывались мосты, останавливались испорченные паровозы, эшелоны налетали друг на друга. Рельсовая война практически парализовала движение на Горнозаводской линии, не позволила колчаковцам воспользоваться ею при отступлении. Им пришлось уходить в леса и болота, а там и пришел конец некогда грозной многотысячной армии.

В этой книжке рассказывается лишь о немногих событиях рельсовой войны, только о тех из них, в которых участвовали дети железнодорожников, маленькие герои, память о которых надо сохранить навсегда.

Автор книги — журналист Александр Иванович Белосов — много лет жил и работал в Чусовом, собрал большой материал и построил свое произведение на подлинных фактах, умело переплетая их с художественным домыслом. Большинство героев этой книги являются подлинными, не вымышленными.

«Они не уйдут» — уже не первая книга А. И. Белосова. В 1963 году в «Библиотеке путешествий и приключений» вышла его книга «Камень нерушимый».

Деповский мальчик

К полуночи метель разыгралась не на шутку. В снежной мгле мерцали с трудом различимые огни станции и поселка железнодорожников за ней. Ветер, тугой и плотный, поднимал снег с мертвой реки, гнал его над отлогим болотистым берегом, над пустынным перроном. Дальше путь ему преграждал почти отвесный склон Липовой горы, нависший над поселком. Здесь ветер завихривался и, словно бы озлясь, набрасывался на дома, нестройной цепочкой вытянувшиеся у подножия. У одних домов он накидал снегу вровень с крышей — там завтра жителям придется прокапывать тоннели от ворот, у других домов вымел снег подчистую, до черных завалин.

Один такой домик стоял на отшибе, и ему доставалось больше, чем другим. Ветер уже снес почти всю солому с дворовой крыши и силился оторвать плохо прибитую доску на воротах, которая громко хлопала при каждом сильном порыве.

Стук этот разбудил хозяйку. Она зажгла коптилку,

перекрестилась и поглядела на ходики. Постояв еще немного в нерешительности, пошла в отгороженную дощаной заборкой боковушку.

Там, разметавшись на постели, спал светловолосый, давно не стриженный парнишка. Руки его во сне широко раскинулись, дышал он спокойно и ровно.

— Коля! — позвала мать. — Пора, вставай! Первый час уже, Коля!

С трудом поборов сон, мальчик поднялся и стал вяло одеваться.

— Поел бы, — напомнила мать.

Он молча выпил стакан простокваши и, зябко пожав узкими плечами, полез на печь, достал старый, весь заляпанный мазутом и остро пахнувший керосином полубок. Мать подала шапку и ремень. Подперев подбородок рукой, она следила за ним печальными глазами. Жалко парня, а что поделаешь? Третий год уже ее Коля — деповский мальчик. Каждый над ним начальник. Куда ни пошлют — иди. Этой судьбы мало кто миновал из мужчин их поселка. Вот и отец Коли был таким же деповским мальчиком. Помогал котельщикам, быстро оглох. И рост у него рано остановился. Теперь вот и женат, сам отец, а по виду подросток подростком.

Так же, как отец, Коля собирался на работу хмуро и молча. Вот он подпоясался, присел на лавку, натянул сапоги и, не прощаясь, шагнул за дверь, в темноту. На печи посапывали малолетки-девчонки. На полатах беспокойно заворочался отец. Стараясь не шуметь, мать погасила копилку и легла на лавку.

По-взрослому ссутулившись, Коля зашагал узкой улочкой к депо. Мороза не было, но ветер, метавшийся во все стороны, легко продувал рваную одежду. Сапоги были отцовские, большие, с отопревшими подошвами. Коля чувствовал, что с каждым шагом снег все больше

набивается в портянки, и его начала пробивать зябкая дрожь. Он сжался в комок, стараясь уберечь остатки домашнего тепла.

На взгорке Коля остановился и прислушался. С северо-востока доносилась едва слышная в свисте ветра стрельба.

Декабрьские ночи становились все длиннее, все темнее. Коля теперь почти не видел дня: приходил с работы утром, в рассветных сумерках, и сразу ложился спать, ночами же уходил на работу. Вместе с ночами густела и тревога, еще с осени нависшая над поселком. Со стороны Тагила шли белые. Их задержали где-то под Кушвой, но к зиме они собрали силы и пошли в наступление. И хоть не верилось никому, что они дойдут до Чусовой, тревога не утихала.

Коля ускорил шаг, а к депо, под горку, и совсем побегал, путаясь сапогами в сугробах. Он обошел депо справа, разыскал в темноте низкую дверь и оказался в похожем на подвал помещении. Здесь было холодно и пахло застоявшейся керосиновой гарью. Не мешкая, Коля принялся за дело. Расставил на обитой железом скамейке с десяток пузатых паровозных ламп и наполнил их керосином. К каждой лампе подобрал стекло и почистил его пучком сухой чистой ветоши.

Собрав лампы в связку, Коля вышел на пути и прислушался. Неподалеку, у поворотного круга, сонно посапывал паровоз. А дальше, на станции, было непривычно тихо: ни свистков составителей, ни лязга буферов. Тяжелая связка ламп оттягивала плечо и глухо брякала в такт шагам. Пробравшись через сугробы к паровозу, Коля ухватился за грязные поручни и вскарабкался на переднюю площадку.

— Эй! Кто там лазит? — донесся из паровозной будки густой бас.

— Это я, дядя Костя, — громко отозвался Коля. — Лампы вот сменю в фарах.

— А-а, Коля... — Голос машиниста сразу потеплел. — Опять мастер тебя в ночь послал? Ты иди в будку, погрейся. Успеешь еще. Паровозов сегодня не лишка...

— Сейчас, только кончу, — отозвался мальчик.

Он установил лампы в фарах, закрыл стеклянные глухие створки и, почувствовав, что пальцы на ветру совсем зашлись, торопливо полез в будку к машинисту. Здесь горела неяркая лампа-мигалка в стеклянном колпаке. Окна и двери завешены брезентом, от котла несло теплом.

Машинист, грузный, седеющий, сидел на своем месте у правого окна паровоза, опустив широченные корявые ладони к коленям, и задумчиво смотрел на затухающий в приоткрытой топке огонь. Перед дядей Костей Ежовым Коля немного робел, хотя механик всегда относился к нему ласково. Машинисты вообще казались деповским парнишкам людьми особого, высшего сорта. Они и жалованье получали втрое больше, чем рабочие в депо, и кричать на них мастера не смели. А машинист Ежов — лучший из лучших. Ездит в дальние рейсы. И говорят, что он знает все уральские дороги.

Помощник машиниста Мишка Костромин, вертлявый парень лет восемнадцати, копался, посвистывая, в инструментальном ящике.

— Ты что это, фары вздумал зажигать? — сказал он, увидев Колю. — Сейчас, брат, лучше без огня ездить. Какой-нибудь заблудший беляк пальнет — и ваших нет.

— Разве стреляли в кого? — спросил Коля, усаживаясь к горячей стенке котла.

— Хм... Стреляли, — протянул Мишка и презрительно сплюнул. — Вон смотри!

Он показал Коле несколько рваных дырок в стальной

стенке тендерного бака. Дырки были забиты деревянными колышками, из них каплями сочилась вода. В неярком свете топки Коля разглядел, что лицо у Мишки серое, усталое, под глазами легли черные тени.

— Домой что не идете? — спросил Коля. — Я позову дежурного кочегара.

— Не велели уходить, — неохотно пояснил Мишка. — Те, со станции. Мы ведь до места не доехали, с полдороги воротились. На беляков напоролись. Однако и не зря съездили...

Мишка криво и зло усмехнулся. Если верить его рассказу — было так. Их посылали до Пашии. Туда отступил от Кусье-Александровского завода революционный Мусульманский полк, и его надо было вывезти в Чусовую. Но поездка с самого начала оказалась неудачной. На подъеме за станцией не смогли пробиться через снежные заносы и стояли до тех пор, пока не пришли рабочие и не разгребли путь. А перед Пашией, у разъезда Багул, порвался на две части поезд. Пришлось хвост оставить на перегоне. Когда прибыли с головными вагонами в Багул, там было пусто, только ветер гулял по путям.

Михаил побежал на вокзал. В дежурке застал начальника разъезда, перепуганного и бледного. Он торопливо собирал в кожаную сумку пачки поездных квитанций, листы графиков и не отвечал на звонки телеграфа.

— Это... белые звонят. Они в Пашии. Скорей! Надо уехать.

Начальник был уверен, что за ним специально прислали паровоз.

— Хвост мы на перегоне оставили, ясно? — кричал ему Мишка. — Не проехать теперь туда, ясно?

Но начальник, не слушая его, побежал к паровозу, полез в будку, пачкая форменную шинель о поручни.

— Быстрей, механик! Торопиться надо.

— Заладил, как дятел! — досадливо отмахнулся дядя Костя и, сплюнув за окно на ветер, взялся за регулятор. Он и сам знал, что пора уносить отсюда ноги. Но прежде надо было с перегона вагоны как-то убрать...

Пока они ездили за вагонами, на станции разгорелся бой. По полотну, отстреливаясь, отступили от Пашии бойцы Мусульманского полка. Наступала ночь, и они, замерзшие, усталые, хотели задержаться здесь любой ценой. Уходить дальше в ночь и пургу было равносильно гибели. Белые лыжники подходили и подходили из снежной полутьмы. У станции завязалась частая перестрелка. В этот критический момент и возвращался к Багулу паровоз дяди Кости. Услышав шум поезда, увидев багровые отсветы пламени из топки, белые испугались. Поезд шел со стороны Чусовой — кто знает, может быть, это красный бронепоезд. Колчаковцы побежали от разъезда в сторону, в поле. А уставшие бойцы Мусульманского полка быстро грузились в вагоны. Через десять минут дядя Костя дал задний ход...

— Больше ста мужиков из огня увезли, — закончил свой рассказ Мишка. — Не мы бы — куда им деться? Сгибли бы. Ну а беляки нам вдогонку, аж свистело. Мы за котел встали...

Дядя Костя не вступал в разговор. Он сидел тихо, то ли подремывал, то ли думал о наступивших невеселых днях. Коля знал, что с рабочей ротой красных уходит из Чусовой его единственный сын, комсомолец. Дядя Костя помогал красным как только мог. Он в последнее время совсем не уходил с паровоза, спал урывками, на стоянках, бросив под голову старый кондукторский тулуп. Уже ясно было, что красным Чусовую тоже не удержать, и дядя Костя не знал, как ему поступить: оставаться ли в депо, работать и при белых, или же бросить опустевший дом и уходить.

Снаружи в стенку будки застучали.

— Эй! Есть живые? — раздался зычный голос. Другой голос, с хрипотцой, добавил: — Выйди, Ежов! Комиссара привел.

Дядя Костя открыл дверцу и стал спускаться по крутой лесенке. Железные ступенки скрипели под его грузным телом.

У паровоза стоял весь облепленный снегом бригадир из ремонтного цеха Федор Успенский, сутулый и длиннорукий, похожий на насторожившуюся ночную птицу, готовую взлететь при первом шорохе. Рядом с ним — плотно сбитый человек в командирской тужурке. Его Коля видел впервые.

— Давно дома не был, механик? — приветливо спросил командир.

— Давно, — хмуро отозвался машинист. —

Совсем не слезаю с паровоза. Пропади она пропадом, война!

— Ну-ну! — примирительно сказал командир. — Любишь ты поворачать. До Перми сдюжишь? Понимаешь, наш поезд обязательно туда надо протянуть. Это очень важно... Поймай, кто это тут еще?

— Мы от своих деповских не таимся, — ответил механик. — Это ламповщик наш, Коля Стародумов. Не смотри, что такой маленький. Не меньше нашего понимает — третий год в депо.

— И в самом деле мал, — отозвался командир, бесцеремонно разглядывая Колю. — Ему бы в лапту играть, в школу ходить...

Брови у командира были черные, совсем слились у переносицы, отчеркнув лоб от лица.

— А как насчет шамовки? — бесцеремонно вмешался Мишка. — Лошадь и то перед дорогой кормят.

— Картошки дам, — серьезно ответил командир. — Больше у самих ничего нет. Как прицепитесь к составу, беги в третью теплушку, скажи — от Кравцова. Испечешь. Вон у тебя огня — целая топка.

Грудя перед собой снег, паровоз медленно двинулся к станции. Коля увидел, как Мишка на ходу прошел по боковой площадке к фарам и погасил их. А еще через полчаса простучал колесами по мосту через Чусовую поезд. С погашенными огнями он направлялся к Перми. Коле стало грустно. Ему самому хотелось куда-то убежать, уехать от наступавшей тревоги, и он завидовал Мишке. Потом подумал о другом: «Мишка, наверное, картошку печет». Почувствовал, что и сам смертельно хочет есть. Дома не густо — мать экономит каждую картофелину, каждую чашку муки. Едоков много, работников — только отец да он, а времена такие, что на деповскую долучку много не купишь.

До рассвета Коля сменил лампы еще на двух паровозах. Оба они ушли с поездами в том же направлении — к Перми. К утру ветер стих, высыпали частые звезды, снег под ногами стал поскрипывать — усиливался мороз. Занялся на востоке слабый рассвет. В это время Коля обычно уже уходил домой. Но сегодня началось такое, что он забыл об усталости и бессонной ночи.

Со стороны Тагила пришли два эшелона с красными. Паровозы догрузили углем, не отцепляя от составов, и оба поезда ушли к Перми. А вскоре неподалеку за поселком затрещала перестрелка. На пригорке у депо толпились люди.

— Не выдюжат! — уверенно говорил какой-то хорошо одетый служащий. — У Киселева — сила. Тысяча штыков, не шутка. Царский полковник, знает, как воевать. Одно слово — не мужик.

Вскоре со стороны таежной речки Вашкур, впадающей в Чусовую несколькими верстами выше поселка, пришли красные моряки-балтийцы. Они несли убитых и раненых. Часть их занялась похоронами товарищей, другие весь день что-то делали у моста через Чусовую. В ранних зимних сумерках там взвилось красное пламя, гром тяжелого взрыва прокатился по поселку. Все три горбатые фермы моста осели, дробя лед на Чусовой.

Уже в глубокой темноте Коля пришел домой. Только сейчас он вспомнил, что не ел со вчерашнего дня. Отец был дома. Ужинали молча, словно на похоронах. И ночью всем не спалось. Отец ворочался, мать вздыхала. В депо на дежурство Коля не пошел.

Только под утро он заснул. А утром семью разбудил резкий стук в дверь. Бледный свет уже лился в окна. Вошел деповский мастер Крапивин. Лицо его побагровело от мороза, рябины стали еще резче. А за ним в избу протиснулся молоденький солдат в погонах.

— Где ваш? — хмуро спросил мастер у матери. И когда из горенки вышел отец, он закричал ему: — Надевай свою рвань поживее! Девятисотый надо готовить к поездке!

Отец засуетился, начал надевать невысказанно перепачканные илистой глиной, что идет из котлов при промывке, лохмотья, и молоденький солдат с изумлением воззрился на эту одежду. А мастер повернулся к Коле:

— Ты почему не на работе? Увижу хоть одну пустую лампу — плачут твои уши!

Молча сходились к депо рабочие в это утро. Только снег скрипел под ногами.

— Та ли, другая ли власть, а рабочей лошади одно — вези, да не ленись, — хрипло пошутил кто-то. Ему не ответили.

Черные ночи

Пришли белые... Коля ждал, что сразу же случится что-то страшное. Но день в депо начался самый обычный. Шипел пар в промывочном цехе, кто-то скрипел рашпилем. Паровозов на ходу осталось мало: те, что ушли к Перми последними, в Чусовую не вернулись. Поэтому белые приказали отремонтировать несколько старых паровозов, уже который год стоявших возле деповского забора в запасе. А к полудню привели откуда-то с линии паровозы, побывавшие в бою: у одних были пробиты котлы, у других — тендерные баки, а у некоторых не было даже будок — угодил снаряд.

В ламповой пока делать было нечего, и Крапивин прогнал Колю в подъемочный пролет к бригадиру Ус-

пенскому. В конторке мастера сидел какой-то начальник — виднелась за широким стеклом квадратная голова и плечи с погонами. Этот «чин» время от времени выходил из конторки на балкончик и по-хозяйски оглядывал депо. Когда он стоял на шатком, сделанном из металлических угольничков балконе, Крапивин словно бы с ума сходил от усердия: попади под руку — получишь зуботычину.

Работали хмуро, не слышно было ни песен, ни прибауток. Так было в этот день и в следующий... Белые постепенно налаживали движение на железной дороге. Паровозы, вышедшие из депо, сразу же отсылали под поезд, на станцию. Но ходили поезда только в тагильском направлении. На Пермь и Кизел пути не было из-за взорванных на Чусовой и Вильве мостов. Военские эшелоны, подошедшие от Тагила, сразу же разгружались, солдаты шли отсюда к Перми пешими колоннами. Какие были в поселке лошади, конфисковали в первые же дни — в обозы.

Дни тянулись унылые и однообразные. Но это еще можно было терпеть. Страшными были ночи. Вечерами поселок затихал, как вымерший. А за полночь нередко можно было услышать стук в двери то в одном, то в другом конце поселка.

Пришла очередь — постучали однажды ночью и к Стародумовым.

Отец словно ждал этого: с вечера лежал на лавке не раздеваясь. Он соскочил, дрожащими руками зажег копилку. Вошли четверо в шинелях с заидевевшими воротниками. Один из них, видно старший, не здороваясь, прошел в передний угол и сел за стол. Другие остались у порога.

— Большевики есть? — деловито спросил сидевший за столом.

— Господи! Какие у нас большевики! — заголосила мать. — Хозяин в депо робит, других не прячем... Вы ему только громче говорите — глухой он.

Отец с напряженным лицом прислушивался к разговору.

— А там кто? — спросил один из солдат и прошел за заборку, где в боковушке обычно спал Коля.

— Сын спит, малолеток, — испуганно сказала мать.

Солдат бесцеремонно сдернул с Коли одеяло, глянул быстро и равнодушно и тотчас вернулся к старшему.

Пришельцы пробыли в доме с полчаса. Они оглядели кладовушку и чердак, слазали в подполье, и отец светил им лучиной, перетрясли всю рухлядь под лавками и в сенях, осмотрели двор. Ушли. Отец не лег спать. Сидел за столом, подперев голову ладонями. Мать залезла на печь и успокаивала разревевшихся малышей.

Коля, кажется, уснул, но вскоре проснулся от шума.

— Уйти бы куда, Варвара, — глухо и резко говорил отец. — Неладное чую. А? Что говоришь?

— Да я говорю — нешто к Федору, в Лысьву? — кричала ему мать в самое ухо. — К Федору, говорю!

— Нет! — ответил отец. — Там то же самое. Лето бы! Теперь и в лес не уйдешь.

Заметив, что Коля проснулся, мать замолчала. Лег отец, и Коля снова уснул. А когда проснулся, за окном уже был рассвет, мать стучала ухватами у жарко горевшей печи.

Завтрак получился почти праздничный: блины с молоком и суп-скороварка. Но отец был какой-то сам не свой. Ел он вяло и неохотно, быстро отодвинул чашку. Вскоре выбрался из-за стола и Коля. В депо они пошли вместе.

Там, у входа, в это утро стояли солдаты. Увидев их, отец было остановился, но люди шли в депо со всех сто-

рон, как всегда, и отец тоже пошел, только почему-то положил руку на плечо Коле, чего раньше никогда не делал.

Навстречу вывернулся мастер.

— Тебе отдыхать можно! — крикнул он Коле. — Марш домой! Придешь завтра.

Тут же толпились другие ученики-подростки. Они поманили Колю к себе.

— Пошли с нами на станцию! — сказал один из них. — Пока Крапивин добрый. Когда еще отпустит...

Они вышли из депо гурьбой. К станции хотелось сходить и Коле: ждали, что в этот день придут два бронепоезда белых. Еще накануне в депо пришли солдаты, и командовавший ими офицер быстро прошел в конторку мастера. Вскоре оттуда выскочил, как настиганный, Крапивин и велел всем собираться. Тогда всех рабочих депо погнали на станцию, в самый дальний угол, к реке. Все пути там были забиты вагонами. У реки уже кипела работа. Паровозик «кукушка» подталкивал вагоны на крайний путь. Здесь их вагами и домкратами наклоняли и сбрасывали с обрыва на лед реки. Внизу уже лежало десятка два теплушек и платформ, сиротливо выставив натруженные чугунные колеса.

Когда пришли деповские, дело пошло быстрее. Работали как в угаре, и Коля не узнавал железнодорожников. Ведь они, бывало, мчались, забыв обо всем на свете, туда, где хоть бы одним колесом сошел с рельсов какой-то вагон, торопились его поднять. А теперь сами скидывали вагоны с обрыва. Кто-то выругался: «Ломать — не делать!» Передавали друг другу новость: от Тагила идут бронепоезда, вот для них и очищают пути.

Переговаривались:

— Несет их на нашу голову!

— И куда бы это они прут? К Перми?

— Не пройти, моста нет. Разве по льду переправят?
Да нет, не пройти...

— Нам же хуже: понаедет офицерья, станут тут, полетит с нас шерсть.

Все это вспомнилось Коле, когда, взбежав за товарищами на взгорок, он увидел станцию. Отсюда как на ладони видны были ставшие близ вокзала две недлинные темные гусеницы. Бронепоезда, видно, прибыли еще ночью. На путях горохом рассыпались темные фигурки. Это солдаты вышли из своих бронированных клеток размяться, поискать кипятку, посмотреть, куда приехали. И, наверное, неприветливой показалась им Чусовая. Они задирали головы, рассматривая нависшие над станцией серые голые камни, озирались на прокопченные до чер-

ноты дома, на мрачные корпуса стоявшего чуть поодаль паровозного депо.

Видно было, как от завода, расположенного ниже по реке, идет к станции негустая группа людей. Несли иконы и короткие флаги, и очень похоже было на похоронную процессию. Это направлялись приветствовать прибывшее белое начальство купчики и полицейские, заводские мастера.

— Эгей! Коля! — донеслось с нижней улицы. Узнав голос Пашки Копалина, Коля быстро сбежал по переулку на привокзальную улицу. С этим веселым, неунывающим парнишкой Коля дружил давно. Пашка работать начал еще раньше Коли, только не в депо. Отца у Пашки не было, и мать пристроила его помогать одноному дяде, который возил на станцию дрова, воду и уголь для пассажирских вагонов. Дядя Архип часто запивал, и тогда на Пашку ложилась вся работа.

Вот и сейчас Пашка ехал на подводе. На санях стоял плетеный короб с углем. У вокзала Коля помог ему опрокинуть короб и столкнуть уголь в деревянную загородку. Пока Пашка бегал за дежурным, чтобы тот принял уголь, Коля подошел к перронной решетке. Там, на перроне, прохаживался человек диковинного вида. Был он мал ростом: наверное, не выше Коли. Несмотря на морозец, голова его была не покрыта. Волосы на затылке сплетены в рыжую косичку. Шинель ему досталась явно не по росту, но еще длиннее была надета на шинель поповская ряса, края ее волочились по земле.

Увидев Колю, он быстро подошел к решетке и строго сказал:

— Не ходи тут. К матери иди, домой!

Голос у него был старческий, но приятный. Коля отошел от решетки, хотя и хотелось поглядеть на бронепоезда вблизи.

— Поедешь со мной? — спросил, подходя, Пашка.

Они взобрались в пустой короб, и лошадь неторопливой рысцой побежала по накатанной привокзальной улице. За поселком заводских рабочих, у самого бочота, где летом невозможно пройти, стояли печи углежогов. Куренщики давно знали Пашку. Они помогли мальчикам нагрузить короб, подбрасывали кусочки покрупнее: «Чтобы начальник не заругал робенка».

День уже кончался, когда они вернулись с углежжения. Не успели еще разгрузить короб, как к ним подошел молодой щеголеватый офицер в сопровождении двух солдат. Солдаты сбросили с саней короб и повели лошадь к выходу из вокзала. Там они вытащили из тамбура бронированного вагона пулемет и поставили на сани.

— К третьей версте! — скомандовал офицер.

Пашка зло тряхнул вожжами, и лошадь рывком взяла с места. Офицер сидел, не глядя на мальчиков, прямой и строгий, от него пахло духами. Он, видно, был в отличном настроении и звонко, с руладами насвистывал какой-то переливистый мотив. Рука его в аккуратной кожаной перчатке поглаживала замок пулемета.

На третьей версте от станции ждали другие солдаты, человек пять. Офицер велел остановиться.

— Понесем? — спросил один из солдат.

— Так лошадь можно провести, — отозвался другой.

— А мальцы?

— Тут подождут!

Пожилой солдат сноровисто, по-крестьянски, взял лошадь под уздцы и повел по натопанной неширокой дорожке к кладбищу.

Уже смеркалось. Но еще ясно видно было полузанесенную снегом кладбищенскую ограду и кресты за ней, крутой обрыв к светлой речке Усьве. Справа вздымался склон горы, молчаливый, белый и холодный.

Летом нет веселее этого места. Кладбище тянется узкой лентой по солнечной террасе над рекой. Вдоль него пролегли железнодорожные рельсы к Кизелу, вдали — мост над Вильвой, теперь взорванный и покореженный. Летом сюда приходят отдыхать, как в сад. Теперь же, в снежных сумерках надвигающегося вечера, тихие ряды крестов на снежном поле и молчаливый склон горы казались зловещими.

Мальчики минут пять потоптались на переезде. Сердитая толстая будочница вышла из натопленной сторожки, поглядела на кладбище и перекрестилась. И по тому, как она смотрела в ту сторону, мальчики поняли: там что-то страшное. Пашка вдруг сказал:

— Пойдем туда, а? Мы низом, тропинкой... Зачем они пулемет взяли, а?

Подвода и солдаты уже скрылись в ложке, который разделял кладбище на две неравные части. Ветер донес оттуда неясные, похожие на ропот, голоса. Пашка неожиданно заплакал, вытирая рукавом стынувшие слезы.

— Они, наверное, деповских туда свели... Днем взяли.

Понизу, у самого обрыва, была протоптана узенькая тропинка. По ней и направились мальчики. Вскоре им открылась небольшая ложбина, и они припали за широким памятником. Внизу темнела толпа. Незаметно узкая гряда туч сдвинулась и открыла полную, сияющую золотым блеском луну. Долинку залило прозрачным светом.

— Посохин! Смотри, Посохин! — выдохнул Пашка.

Солдаты к этому времени разом отошли в сторону, и открылась реденькая цепь людей — босых, раздетых. У ног их темнела свежевскопанная земля. Крайним слева и в самом деле стоял рабочий из депо — котельщик Посохин. Его трудно было не узнать. Молодой еще парень, высокий непомерно, немного сутулый. Волосы у него та-

кие густые и всклокоченные, что он в самые сильные морозы хорошо обходился без шапки.

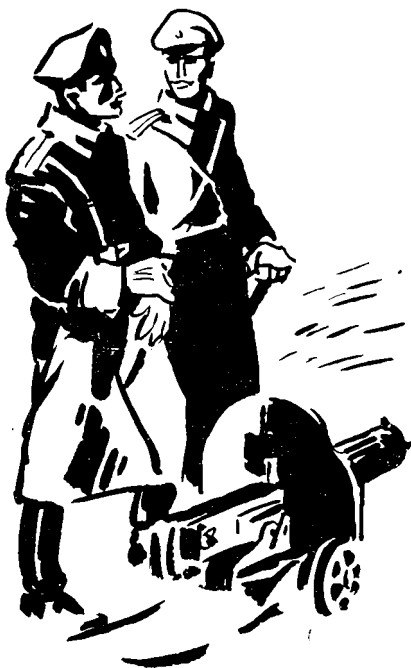
Коля начал было считать и остановился, вздрогнув: в середине цепи узнал отца. Ниже других ростом, он стоял совсем неподвижно и смотрел вверх, туда, где стынущее белое небо сливалось с такой же белесой вершиной горы. Казалось, он не видел ни хлопотавших вокруг белогвардейских солдат, ни могилы.

Один из офицеров начал выстраивать солдат в линию, они неуклюже топтались в глубоком снегу, снимая с ремней винтовки.

— Да оставьте вы это, поручик! — раздался вдруг высокий голос того офицера, чей свист все еще стоял у Коли в ушах. — Я сам. Много ли их тут!

Коля видел, как офицер прилег за пулеметом, и тотчас рывками замигало красноватое пламя, в уши ударил грохот выстрелов. Стихло. Но тут же сбоку послышался шум — удирала испуганная лошадь дяди Архипа, два солдата бежали следом, стараясь ее настичь.

Трифон Стародумов

упал сразу, ничком, и больше не шевелился. Он казался теперь совсем маленьким. А с левого края по-прежнему стоял сутулый Посохин; рубашка на нем быстро темнела по всему правому боку.

— Гады! Дождетесь... — закричал он, но тотчас же его заглушила новая пулеметная очередь, короткая и злая.

Теперь Посохин упал. Падал тяжело, медленно оседая набок. Кулаки его чернели, и Коля вдруг подумал о том, что вот даже не дали ему как следует отмыть руки от деповской грязи.

С минутой стояла тишина. Офицер, насвистывая все тот же переливистый мотив, направился к подводе. Коля не видел, как догнали и остановили лошадь, как привели ее обратно к страшному месту. Задвигались и сол-

даты. Оживленно переговариваясь, они направились к расстрелянным. Двое или трое стали рыться в ворохе пиджаков и полушубков, другие принялись сталкивать убитых в яму. Вынырнул откуда-то маленький попик, которого Коля видел на перроне, торопливо крестил воздух над каждым из расстрелянных.

Пашка потянул оцепеневшего Колю за рукав. Мальчики отползли за сугробы и опрометью побежали по нижней тропинке. У переезда Пашка было остановился, но тут же махнул рукой и, пробормотав: «Черт с ней, с лошадыю», — нырнул в ближайший ложок.

— Четырнадцать, — говорил он на ходу, задыхаясь. — И все деповские. Только двое из завода — я их, небось, тоже знал...

Он вдруг остановился и повернулся к Коле.

— А... Ты видел? Ну, отца-то?

...Уже в глубокой темноте добрался Коля домой. Встретила его заплаканная мать.

— Отец не пришел, и тебя, неслуха, где-то носит! — запричитала она. — Навязались вы на мою голову!

Коля молчком пробрался в угол, подальше от материного ухвата и сидел словно оцепенев. А мать, успокоившись, стала рассказывать, как ходили вечером женщины из поселка в управу — хотели узнать, куда мужиков увели. На их крик вышел такой красивый серьезный офицер и велел идти по домам: дескать, ничего с мужиками не делается, их на время в Пермь отправили, поработать...

— Ну, даст бог, вернется отец, — закончила мать. — А то уж я всякое передумала. Да и то судить, на что он им, такой-то глухой?

Голос ее Коля слышал плохо, словно издалека. В ушах у него все еще стоял грохот выстрелов, он видел вновь и вновь, как мерцало пламя пулемета, как сразу упал отец, как стоял и ругался Посохин...

— Да ты вроде горишь весь? — испугалась мать. — Ну, не бойся, не бойся. Ложись-ка быстрее к теплу.

Забравшись на печь, Коля неожиданно быстро заснул и спал, как ему показалось, долго-долго. Снилось какое-то чудище, бесформенное, большое и темное. Он бежал от него, но ноги не слушались. От ужаса мальчик как будто бы просыпался, но вскоре все начиналось вновь.

Вырвал его из полубреда громкий голос. Мать говорила с кем-то в сенях. Потом скрипнула дверь, и мать вошла в избу, за ней — бригадир Успенский.

— Вот ведь, Варвара, какое дело... Не у одной тебя.

Когда Коля слез с печи, мать плакала, уткнувшись в подоконник. Плакала беззвучно и потому — страшно. На полу лежал узелок: рабочая одежда отца.

— Ага, и ты, значит, слышал! — сказал Успенский, увидев Колю. — Вот, брат, какие дела... За старшего ты теперь в доме. Понимаешь? Принесли вот сегодня — только одежда и осталась от наших товарищей. А Трифон-то им чем помешал? Смирнейший был человек...

— За что они их? — вырвалось у Коли.

— За что? — переспросил Успенский. Он помолчал, собираясь с мыслями. — Да так... Ни за что. Видишь, им надо было себя показать. Мол, рука у нас твердая, никого не пожалеет. Чтобы, значит, их впредь боялись, не смели против слова сказать. Так я понимаю. Ну, а придрались — придраться всегда можно... Паровоз на линии встал, помнишь, первый-то выпустили? Вот к этому и прицепились. А брали — кто под руку попадет. Посохи-на — за то, что лохматый да ростом приметный, отца твоего — за то, что сразу не отозвался.

Успенский положил руку на голову мальчика.

— Ничего... Поможем всем миром. Ты знаешь что? Переходи на наш поршневого участок — там хоть немного, да будут платить, говорят. А то ведь вам не прожить.

..Пусто стало в избе Стародумовых. Притихли сестренки, видя, что мать целыми днями ходит заплаканная. И самому Коле все казалось вечерами, что вот загремит калитка — глухой отец всегда хлопал ею очень крепко, заскрипит пол в сенях. И днем, когда в депо работал, часто ноги несли его в промывочную — ему все казалось, что ничего не случилось и отец по-прежнему работает там, забравшись на какой-нибудь котел.

Не очень-то он был близок отцу. Но почему-то теперь, когда его не стало, Коле вспоминалось только хорошее, что было у него с отцом. Вспомнилось, как однажды, было это на демонстрации 1 Мая, подошли к нему ребята с такими же, как у него самого, не отмытыми от мазута руками. Расспрашивали о том, где работает, у какого мастера учится. Сказали: «Вот что, деповской, ты самый что ни на есть пролетарий, наш. С нами тебе и быть». Его записали в союз молодежи.

Матери и отцу он ничего не сказал. Мать такими вещами совсем не интересовалась, а отца Коля побаивался. Не потому, что тот его бил или ругал. Но Коле как-то было не по себе, когда он чувствовал пристальный взгляд отца. Глухота отгородила его от людей и даже от своей семьи. И работу в депо ему давали самую грязную и тяжелую. Он промывал паровозные котлы, чистил топки, перетаскивал в железном коробе горячий шлак.

Однажды Коля увидел, как отец с обычной молчаливой бесцеремонностью вывернул карманы его пиджачка и достал серенький листок — временный билет члена союза молодежи. Он читал, шевеля губами, и вдруг лицо его, обычно напряженное, как у всех глухих, озарилось чуть приметной улыбкой. «Вступил? — глухо и резко спросил тогда отец. — Ага, ладно!» Он легонько приоткрыл грудь сына и осторожно, стараясь не измять, положил листок на старое место. А девчонки — Верка и

Нинка, видя, что отец улыбается, тотчас же его оседлали: одна взобралась к нему на колени, а младшая — прямо с ногами на шею...

Ночами, устав за день, Коля все же долго не мог заснуть. Боль утраты понемногу сменялась бессильной злостью на тех, кто принес в их дом это горе: на пришлых людей в шинелях с погонями, которые саранчой сновали по станции и по поселку. До этого он их только боялся. Теперь глухо и люто ненавидел.

Мост

Бронепоезда все стояли на станции. Разные они были. Один настоящий, боевой. Он словно был откован из одного огромного куска стали: так ровно облежала броня все его вагоны и паровоз. А другой какой-то пестрый. Вагоны, хоть и бронированные, но разномастные, большие и маленькие. Одни с орудийными нишами, другие без них. На одном вагоне, без орудий, были прорезаны неширокие окна и белела надпись «Штабь». На другом висела потемневшая икона. Около него часто можно было видеть маленького попика. Два вагона в хвосте вообще без брони — в них размещались столовая и баня для офицеров, которые по вечерам часто толпились там с венниками. К этому штабному поезду от станции протянулись провода — видно было, что он обосновался тут надолго.

Однажды Коле довелось увидеть бронепоезда вблизи. Крапивин послал Успенского на станцию — устранить какую-то неисправность на паровозе бронепоезда, и бригадир взял Колю с собой.

Часовой на путях строго окликнул их. Они остановились и долго ждали. Наконец, пришел начальник караула, прочитал записку и велел часовым пропустить. У штабного поезда их встретил машинист в замасленной солдатской форме.

— Машина парит! — коротко и строго сказал он. — Ехали — ничего впереди не видел. Сделать на совесть! А то...

Он помолчал, сплюнул в снег и лениво добавил:

— У нас это быстро — на распыл!

Коля пригляделся и понял, что механику от силы лет двадцать пять и что у него строевая военная выправка.

— Не извольте беспокоиться, сделаем все по чести, — смиренно, не отвечая на вызывающий тон механика, сказал Успенский.

Он достал широкий плоский ключ и несколькими уверенными движениями подтянул сальник цилиндра паровой машины.

— Ну, принимайте работу!

— Как, уже все? — удивился машинист. Он глубокомысленно попинал по машине ногой, затянутой в щеголеватый офицерский сапог.

— Тогда — марш! — приказал он. — Если что не так, из-под земли достану. Это у нас быстро...

У депо Успенский сказал:

— Тоже, механик. Сальник сам не подтянет. Видно, никто из настоящих машинистов к ним не идет, вот и учат своих прапоров управлять. Да разве пойдет к бандитам работать тот же Костя Ежов? Однако что же они стоят у нас? Неужели думают переправиться через Чусовую? Да нет, не должно быть...

Это нечаянно сделанное Успенским предположение оказалось, однако, верным. Белые начали строить переправу через застывшую Чусовую.

Приказы командования, видно, не на шутку подгоняли их. Уже взята была Пермь. Но красные отступили за Каму и закрепились. Оборона их крепла, и нужны были немалые резервы, чтобы взломать ее. А в это время в Чусовой бездействовали бронепоезда, стояли тяжелые орудия, которые невозможно было переправить в Пермь иным путем, кроме железной дороги.

Балтийцы, взорвав мост на Чусовой, сильно расстроили планы белых. Значительная часть войск и боевых грузов двигалась тагильским направлением. Думали без помех прокатиться до самой Перми. Но вот в каких-то ста километрах от цели пришлось остановиться. Продвигаться обратно к Тагилу, к Екатеринбург, чтобы затем через Кунгур идти к Перми — путь кружной, далекий. Осложнялся он и плохим состоянием железных дорог, и недостатком паровозов, и саботажем рабочих, и действиями диверсионных красных отрядов.

А до цели оставалось, не будь этой реки, каких-то три часа езды! Поэтому, когда привезенный из Екатеринбурга инженер сказал, что переправу можно наладить, у командиров отлегло от сердца.

В роли коменданта станции оказался один из старших офицеров штаба. Полк ушел к Перми пешком, ушли командир полка и начальник штаба. Только он да еще несколько офицеров остались при штабном бронепоезде. В их распоряжении была значительная команда войск для охраны тяжелого воинского имущества и устройства переправы. К тому же, надеясь, что переправа будет быстро налажена, со стороны Екатеринбурга через Тагил сюда все еще направляли войска, подходили еще и еще составы с людьми, техникой и боезапасом. Станция на Чусовой уже вся была забита вагонами, кишела людьми. Подразделения прибывали, уходили походными колоннами к Перми. В обратном направлении

тоже двигался поток: отходили на переформирование потрепанные части, сюда везли раненых, чтобы дальше эвакуировать по железной дороге. Старший офицер уже просто не мог запомнить, какие люди куда двигаются, и усилия направлял на то, чтобы поддерживать на станции хотя бы относительный порядок.

Несколько взводов солдат из своей команды он отправил на тагильскую линию — рубить лес для переправы. Организовал специальные команды, которые согнали на реку заводских мастеровых и железнодорожников и надзирали за работами. На реке уже долбили в полутораметровом льду широкие полыньи. С линии начали поступать на вагонах тяжеленные бревна — столетние пихты и ели.

Когда на реку пригнали деповских рабочих, дело там уже кипело. Потемнел снег, истоптанный тысячами лаптей и валенок. Стучали топоры и кирки, крепкая брань солдат разносилась в морозном воздухе. Суетливо размахивая руками, бегал в толпе приезжий инженер.

Успенского и других старых рабочих отделили и направили работать на ряжи — большие деревянные клетки, которые потом собирались затопить до дна Чусовой. Тех, кто помоложе, направили долбить камень в ближайшей выемке.

— Ага, и тебя сюда пригнали, — сказал Пашка Копалин, неожиданно вынырнувший из толпы рабочих. — Тоже на камень? Холодно здесь на ветру — страсть!

Коля обрадовался товарищу: вдвоем все веселее будет. Вдоль реки с верховьев тянуло несильным ветром. Но на морозе и это движение воздуха было нестерпимым. Коля почувствовал, как быстро забирается мороз под его рваную одежду, начинают коченеть ноги.

Кое-где на льду развели костры. Но грелись около них только солдаты охраны, рабочих они отгоняли с гру-

бой руганью. Инженер ходил в широченной черной шубе и в меховой шапке. «Вот бы нам такую! — говорили ему вслед рабочие. — Небось, в ней, как в бане». А сами старались укрыться от ветра за невысокой стенкой свежерубленного ряжа.

Пашке тоже было холодно: на нем суконные порванные онучи, растрепанные лапти и старый полушубок, из которого в десятки больших и маленьких дыр торчала белая шерсть.

— Пойдем! — позвал он Колю. — Я ведь с лошадьёю. А то тут совсем замерзнешь.

Лошадь дяди Архипа исхудала — все ребра на виду. Но, видно, и она замерзла, потому что побежала в гору мелкой рысцей. На левом берегу, в неглубокой старой железнодорожной выемке, рабочие ломали камень. Кирками и ломами они отворачивали большие глыбы желтоватого сырого известняка, потом разбивали крупные глыбы на подручные куски.

Пашка и Коля стали класть камни на сани. Мерзлые куски прилипали к варежкам и выдирали из них целые ключья.

— А ну, побыстрее! — заорал на них стоявший здесь колчаковец в папахе. — Спать собрались?

Молча мальчики догрузили воз и поехали к реке. Там сгрузили камень у ряжа. Пока работали, Коля вроде бы разогрелся. К ним неожиданно подошел Успенский.

— Что, молодежь? Идет работа? — спросил он. — Поворачивайте подводу — в город поедете. Крапивин посылает на завод, болты и скобы получить. Так вот, слушайте. — Успенский снизил голос до шепота. — От склада, где вам нагрузят болты, проезжайте будто ненарком до кузнечного цеха. Там вас встретят, и что будут делать, об этом потом помалкивайте. Ясно?

Вскоре мальчики выбрались с подводой из толчеи на

реке и поехали одной из тихих улочек к заводу. Решетчатые ворота завода были заперты. И только после того как мальчики показали сторожившим здесь солдатам бумажку, написанную инженером, один из них неохотно вышел из теплой караулки, потянулся и отомкнул замок на воротах большим черным ключом.

Они проехали между цехами, где лежали сугробы давно не убираемого снега, к низкому длинному складу. Там им погрузили на подводу открытые ящики, в которых набросаны были навалом кованые полусаженные болты.

От проходной завода к мартеновскому цеху шел взвод солдат с ружьями у ноги, и Пашка попридержал лошадь. Вот солдаты скрылись за углом, и тогда мальчики быстро свернули в тесный промежуток между корпусами, к кузнечному цеху. Там их, видно, ждали. Из низкой замазученной донельзя двери вышел желтолицый худой человек в кожаном фартуке.

— С реки? — деловито спросил он. Потом скрылся в дверях и скоро вернулся с пожилым бородатым кузнецом. Они несли тяжелый ящик и тотчас поставили его в сани рядом с теми, которые мальчики получили на складе.

— Ну, с богом! — сказал желтолицый, и Пашка понужнул лошадь.

На ряжах работал Успенский и еще двое из поршневой бригады, которых он сам подобрал в помощники. Успенский и в депо был мастером на все руки. Когда-то он ездил машинистом, пока не попортились глаза. Стал ремонтником. И здесь скоро отличился: регулировку золотников на паровых машинах мог сделать лучше, чем мастер. И на реке Успенский опять-таки стоял на самом ответственном участке — устраивал угловые металлические крепления ряжей. Посвистывая, он скупыми, точно

рассчитанными ударами молота загонял в дерево крепкие скобы, сверлил отверстия в концах бревен и пропускал в них длинные кованые болты, навинчивал тяжелые гайки.

Успенский помог мальчикам столкнуть тяжелые ящики с саней, а тот, который погрузили у кузнечного цеха, задвинул подальше, под штабель досок. Коля пощупал один из болтов в этом ящике: они были надрублены почти напрочь у самых головок, и только густая смазка прикрывала место надруба.

* * *

Потянулись унылые дни. Менялась погода — после морозов настугили оттепели, ясные, солнечные, после них закружил легкий снег. Менялась у Коли работа: по-был он и на подвозке камня, и на отвозке льда, стоял у пилы, обрезая выступавшие концы бревен в ряжах. Начали вырисовываться очертания моста-временки. Рубленные из толстых бревен клетки-ряжи уже опускали через широкие проруби в воду, нагружали их камнем. Подвозили к берегу рельсы, которые должны были лечь поверх всей этой городьбы и соединить берега реки. На том и другом берегу путейцы под надзором солдат делали ответвления от главной линии, подводя путь к новому мосту.

Все чаще появлялся на реке статный офицер — командант станции. Он останавливал легкие санки на крутом берегу и спускался на лед пешком. Там подолгу разговаривал с инженером, и выражение озабоченности не сходило с его лица. Было похоже, что день ото дня он нервничал все больше, хотя и не кричал, не выходил из себя.

Уже казалось, что до конца работы недалеко. Но, как

на каждой стройке, все время случалось что-нибудь непредвиденное. Когда первая клетка дошла, по расчетам инженера, до дна, она почему-то продолжала погружаться и дальше. Промерив дно острыми щупами, инженер обнаружил довольно плотный нанос песка и глины. Клетка тонула в нем, а до настоящего твердого дна, до скального ложа Чусовой было еще далеко. Что поде-лаешь, пришлось наращивать верх ряжей, хотя это и грозило на добрый месяц отодвинуть окончание спешных работ.

Встревоженный инженер помчался на станцию к коменданту. Они о чем-то долго говорили, закрывшись. В ту же ночь старший офицер отправил боевой бронепоезд по ветке в Тагил, к Екатеринбург, чтобы он смог хотя бы кружным путем пробиться к Перми. Однако с другими грузами, с сотнями вагонов, скопившихся на станции, он не знал, как поступить.

Взволнованным вернулся к себе с этой беседы специалист-инженер. Его пугала ледяная вежливость старшего офицера. Он прекрасно понимал, что этот бесстрастный служака может, не поморщившись и не чувствуя никаких угрызений совести, просто поставить его к стенке, если переправу так и не удастся наладить. Поставит не за то, что сорвется план пропуска грузов, а за то, что он, инженер, лично его обнадежил, а потом подвел и навлек на его голову гнев командования. Старшему офицеру надо будет оправдаться — и он делает это, расстреляв его, инженера, взявшегося за работу.

Однажды, придя, как всегда, утром на реку, Коля увидел в толпе рабочих сутулую фигуру, знакомый красный шарф — это был помощник машиниста Ежова Мишка Костромин. Коля быстро протолкался к нему, смущенно поздоровался. Михаил казался усталым и постаревшим. Скулы на его лице и раньше выступали, а те-

перь их совсем обтянуло кожей. Щеки желты, как будто бы Мишка долго и тяжело болел.

— Где так долго был? — спросил Коля.

— Что рассказывать... — неохотно отозвался Мишка. — В Перми держали... А потом — там!

Мишка ткнул рукой в сторону заводского поселка, и Коля понял его. Там, на главной улице, стоял приземистый дом с каменным полуподвалом. Мастерские старались обходить его стороной. Дом этот, принадлежавший раньше местному купцу, занимала теперь следственная комиссия белых. Редко кто, попав туда, выходил живым и здоровым.

Все мальчишки в поселке знали заводского мастера Фадеева. По улице за ним, бывало, бежала целая толпа ребятишек. А Фадеев шел, не глядя на них, тяжелый, квадратный в плечах, заросший бородой до самых глаз. Говорили, что у него вся изба устелена медвежьими шкурами — он был лучшим в поселке охотником, знаменитостью. И вот при белых Фадеев неожиданно стал главным в их следственной комиссии и помощников подобрал себе подходящих, легких на руку — Харузина и Бахтиярова, которые раньше служили в жандармских войсках.

— А дядя Костя? — спросил Коля.

— Он пока там...

Мишка рассказал, что состав с бойцами Кравцова они привезли в Пермь благополучно, но поздно — белые уже полностью овладели городом. Отряд, быстро покинув теплушки, сумел почти без потерь отступить от станции, а дядю Костю и Мишку белые сняли с паровоза и долго держали под следствием. Потом их перевезли в Чусовую — видно, для того, чтобы с ними разобрались на месте.

— Этого Харузина я на всю жизнь запомню, — закончил Мишка. — Вот он мне на прощание...

Мишка загнул подол рубашки и показал красную, рубцами вспухшую спину.

А еще через несколько дней работа на мосту для Коля неожиданно окончилась.

В то утро что-то особенно беспокойно вел себя инженер. Он еще и еще раз промерял глубину возле первого ряжа, который погрузился больше других. Обмерял бревна. Что-то писал в тетради, снова брался за мерку. Рабочие знали, что его тревожило: вот уже который день наращивают эту клетку, а она все садится и садится, как будто у реки совсем нет твердого дна.

Потом Коля увлекся делом (Успенский велел ему разложить крепежные скобы по размерам), перестал следить за тем, что делается на реке.

А около полудня неожиданно раздались крики:

— Все к берегу! К берегу!

Бросали работу, спешили к берегу, где уже толпился масса людей.

— Что это? — встревоженно спросил Коля, разыскав в толпе Успенского.

Тот обнял его рукой за плечи и нервно поправлял очки — он их забыл снять, хотя обычно носил только на работе, да и то тогда, когда нужно было что-то разглядеть.

— Да вишь, какое дело... Инженер потерялся. Спрашивают вот.

Молча стояли, оцепленные со всех сторон солдатами, наверное, с полчаса. Наконец приехал со станции старший офицер.

Он спокойно, не торопясь, сошел с берега на лед.

— Обыскать все! Тщательнейшим образом! — громко приказал он подбежавшему с рапортом унтеру.

Солдаты начали обыскивать временные, наспех сколоченные кладовушки, в которых мастеровые оставляли на ночь инструмент, заглядывали в ряжи, ворошили штабели досок и кучи строительного мусора. Время тянулось мучительно медленно. И вот, когда терпению уже подходил конец и в этой тишине должно было что-то случиться, все увидели солдата, который, торопясь и спотыкаясь, бежал к берегу. Запыхавшись, он остановился перед офицером, козырнул, переступил несколько раз и, протягивая руку, доложил:

— Вот... Очки! В проруби были. Там неглубоко, а они блестят...

Офицер взял очки. Лицо у него побагровело, но сам он даже не шелохнулся, и в его неподвижности было что-то очень зловещее. Стоявшие впереди рабочие попятись, стараясь укрыться за спинами товарищей. Сам того не замечая, стал пятиться и Коля, спиной чувствуя, как густеет, твердеет за ним толпа.

— Кто это сделал? — с расстановкой, громко и отчетливо спросил офицер.

Ему отозвалось только эхо с другого берега, и наступила такая тишина, что Коля услышал, как в домике, видневшемся далеко на излучине реки, плачет ребенок.

— Так... — протянул офицер. — Молчите? Ефремов! Возьмите тридцать заложников. Не сознаются, кто пустил инженера под лед, — на третий день всех до одного расстреляете!

Он повернулся, рывком поднялся в подкатившие санки и уехал.

— Ну, служивые, приказ будем исполнять! — выкрикнул, обращаясь к солдатам, пожилой унтер-офицер, широколицый и благообразный. — Первый взвод — ко мне!

Унтер пошел вдоль ряда рабочих, тыча пальцем то в одного, то в другого. Того, на кого он указывал, сразу же

хватали солдаты, заламывали руки за спину, вязали. Неожиданно произошла заминка. Унтер ткнул рукой в Успенского, но тотчас подбежал мастер Крапивин и стал что-то быстро говорить ему. Донеслись только отдельные слова:

— Без него невозможно... Мастер первейший, углы вяжет... Не шуточное дело...

Досадливо псморщившись, унтер велел отпустить Успенского, пошарил злым взглядом по толпе и вдруг указал на Колю.

...В сыром полуподвале хозяин раньше, наверное, держал картошку. Сейчас сюда загнали всех взятых на рече. Перед тем как втолкнуть в дверь, каждому развязали руки. Стало вроде бы легче на душе. Но ненадолго. Было так тесно, что невозможно даже присесть — стояли, тесно прижавшись друг к другу. Скоро ноги у всех устали и затекли. Все сильнее донимала духота. Низкий сводчатый потолок быстро запотел, и с него начали падать крупные капли. Сквозь щели в двустворчатой железной дверке подвала виднелись полоски серого света, потом и они погасли — на улице наступила ночь. Это была самая длинная ночь в жизни Коли. Казалось, никогда не кончится эта крошечная тьма, никогда он больше не глотнет свежего воздуха. Думалось об отце, о том страшном вечере на кладбище. Неужели и он сам, тоже раздетый, жалкий, скоро будет стоять там на снегу? Неужели и в его одежде будут равнодушно рыться эти пришлые солдаты, а попик будет крестить над ним, мертвым, воздух? Неужели и его заруют потом в мерзлую землю?..

К утру Колю стало тошнить. Кто-то рядом сказал: «Мальчик-то совсем обомлел!» Он уже не мог стоять и, задыхаясь, хватая ртом спертый воздух, опустился прямо на пол, на чьи-то ноги.

В тот же день, когда взяли на реке заложников, поздно вечером околицами заводского поселка пробирался Успенский. На дальней западной окраине он подошел к приземистому старому дому с наглухо закрытым двором и осторожно постучал кольцом ворот. В трудную минуту надо было обратиться за советом и помощью к старым товарищам. В этом доме еще до Советской власти размещалась типография большевиков. Успенский мало кого из них знал, но зато был близко знаком с хозяином дома, старым Комельковым.

На стук кто-то быстро вышел на крыльцо. Слышно было, как человек постоял, раздумывая, и только после этого направился к воротам. Чуть скрипнул тяжелый засов. Ворота осторожно приотворились. У Успенского отлегло от сердца — в щель выглядывал сам Комельков.

На тесной кухне, куда хозяин привел неожиданного гостя, они закурили.

— Тридцать человек подвели — не шутка, — в раздумье проговорил Комельков, поглаживая белые мягкие волосы. — Как же это вы?

— От вас же, небось, задание было — рубленые болты ставить, мы и не отказывались, ставили, — хмуро отозвался Успенский. — Ну, а он, инженер-то, вздумал кругом мерить. Видит, клетка внизу расселась, болты лопнули. Сколь сверху ее ни наращивай — все будет без толку. Он — не дурак, сразу сообразил, что не чисто. Вот тогда мы его и... А не сделали бы так — ведь всех бы подвели: и себя, и заводских. Давайте уж так: мы делаем вроде бы от вас, теперь вы помогайте.

— От кого это, от нас? — переспросил Комельков.

— Ну, ты ни при чем, пусть... Зато ты кое-кого знаешь. Вот и скажи им — так, мол, и так...

— Ну-ну, — примирительно остановил его Комельков. — Дай подумать. Знаешь что? Восточку получил я из Перми. Ну, знамо дело, от знакомых. Так вот, плохо у белых — гонят их. И что выходит, соображай! Мост им вот как быстро нужен. Остановить бы работу совсем, а? Пристращать... Они бы, небось, пошли на уступку — им сейчас время дороже, чем тридцать этих заложников, чем тот инженер. Ты подумай, а я кое с кем поговорю...

На другой день состоялась еще одна важная встреча, на сей раз в доме, занятом следственной комиссией. После того как утром на реку не явилось и половины обычного числа рабочих, старший офицер в бешенстве отправился к себе на станцию, в штабной вагон. Он просидел там всю первую половину дня. А после обеда отправился в заводской поселок. Там он встретился с начальником следственной комиссии и сказал решительно:

— Выпускайте заложников. Иного выхода не вижу.

— А если все-таки расстрелять, пристращать? — неуверенно возразили ему.

— Это долгая история. Работы надо возобновить немедленно. Да, а они еще целы у вас, заложники? Вы ведь, знаю, народ быстрый...

— Целы... К сожалению, — выдавил из себя начальник комиссии и вызвал дежурного.

Вошел Бахтияров, гибкий, подтянутый, в начищенных сапогах со шпорами.

— Иди, открой подвал!

— Будэм пороть? — спросил Бахтияров, и взгляд его, до этого сонный, сразу оживился.

— Да нет, пусть по домам идут, а завтра — чтобы были на работе.

Бахтияров помедлил, словно бы сомневаясь, правильно ли он понял приказание, и вышел, чеканя шаг.

Коля метался в бреду. Тяжелый обморок оказался началом серьезной болезни. Мучил жар. Одеядо, котрым его укутывала мать, казалось холодным, ледяным.

Успенский вскоре после того, как Колю принесли домой, прислал станционного фельдшера. Даже старые рабочие помнили этого фельдшера совершенно седым и сморщенным. Годы шли, старились и умирали мужики и бабы, а фельдшер все так же ходил по поселку железнодорожников — годы его вроде бы уже не трогали.

— Отлежится. Ничего, — сказал он, осмотрев Колю. — Молодые — они быстро выздоравливают. Нам бы так, мать, а?

Фельдшер посидел немного, побалагурил, успокаивая мать, и стал собираться домой. Шарил по лавке и никак не мог нащупать свою шапку, хотя лежала она на виду.

— Да вот она, — сказала мать, подавая шапку. — Али плохо видите?

— Не вижу, да, — растерянно отозвался фельдшер. — Немного лишку у вас задержался. Знаете, куриная слепота бывает? Чуть сумерки — и ослеп. Это от недостатка некоторых компонентов питания, да... Голодно нынче.

Мать сорвалась с места, выбежала в сени и скоро вернулась со стаканом рыжеватой муки. Старик смутился, однако муку взял, аккуратно ссыпав ее в бумажный пакетик из-под лекарств.

Проснувшись, Коля видел иногда ночь, иногда серые сумерки... Но вот однажды пробуждение настало непривычно легкое. Коля увидел солнце — на желтом, дочиста выскобленном полу. Лучи лились из окна, на дереве играли веселые блики. И тогда Коле захотелось встать. Он пошевелился. Заметив это, сразу же подошла мать.

— Что, тает уже? — спросил он.

— Вроде начинает. С крыш течет...

Вечером пришел Успенский. Он долго и неторопливо вытирал у порога ноги о веник, потом так же неторопливо сел возле лежанки и выложил из карманов гостинцы: морковный пирог и бутылку молока.

— Поправляйся!

Пахло от него не рекой и свежим деревом, как раньше, а привычным до одури привкусом деповской гари.

— Что, ушли с реки? — спросил Коля.

— Ушли... Меняется дело. Погнали нас снова в депо, за паровозы братья. Похоже, настраивать собираются лыжи в обратную сторону.

— А как же мост?

— Видишь, того офицера — помнишь, что на реке тогда приказал заложников брать, куда-то переправили. Поехал он, говорят, по вызову в Пермь. А обратно не вернулся. Вместо него другого прислали. Такая же собака, только морда потолще. Ну и линию он, глядим, другую повел... С моста всех сняли. За депо взялись. Не ра-

бота, а слезы.. Паровозы — развал один, зиму-то не работали по-настоящему. Ну, поправляйся...

Дни стояли солнечные. Все крепче припекало, быстро сбежал снег с кривых улочек, начали просыхать тропинки.

Девчонки выбрались во двор, и слышно было, как они носятся там и пищат. Коля оделся потеплее и тоже вышел. На солнечном припеке у крыльца он положил на сырую еще землю пару поленьев и сел. С наслаждением вдыхал полной грудью пахнувший горьковатым березовым дымком весенний воздух.

— Ага, ты уже совсем встал? — услышал он веселый голос.

Конечно же, это был Пашка Копалин. Он рывком распахнул калитку, шумный и радостный.

— Лошадь отдал дяде Архипу, — сообщил он. — Хочу в депо устроиться. Пусть он сам управляет, а мне не век же за хвостом ходить.

— Какое теперь депо? — удивился Коля. — Туда сейчас и больших силком гонят.

— Ну, белые-то собираются драпать. Жди наших. Так что самое мне время пристраиваться к депо. Мишка Костромин вон уже ходит в депо каждый день. Ждет, когда помощники понадобятся.

— Неужели белых станет возить? — возмутился Коля. — Я ему тогда не товарищ. Сам, небось, хвалился: не повезу беляков ни за что.

— А что, заставят и повезет. И ты бы повез.

— А вот и не повез бы.

— А тебя бы хлоп — и пристрелили.

— И пусть!

— Знаешь что? Чем ругаться, пошли на реку. Сегодня лед тронется.

— Да ну... Рано еще.

— Ничего не рано, — сказал Пашка, понизив голос. — Знаешь, что я слышал? Наши нарочного посылали на верхние пруды — просить, чтобы пораньше открыли воду. Охота всем, чтобы эта городьба на реке быстрее сплыла... Седни лед уже около Шайтана двинулся, вот и считай: здесь после обеда будет.

Коля забежал домой и оделся потеплее. Немного кружилась голова, но на душе было весело. Задувал легкий, по-весеннему прохладный, ласковый ветерок.

На реке от яркого света резало в глазах. На подтаявшем льду еще лежали поля белого снега. Но гора над станцией уже была голой, над ней маревом струился нагретый воздух.

На высоком правом берегу стоял народ. Ледоход — всегда праздник, его ждут, его встречают. И люди хоть ненадолго забыли о невзгодах, о потерянных близких, о том, что поселок все еще в руках врага. Собрались и ждали того волнующего мгновения, когда начнут освобождаться от ледяных оков струи кормилицы и поилицы Чусовой.

Как на ладони виднелись на реке следы тяжелой зимней работы — клетки ряжей, разбросанные в беспорядке бревна и доски. Неподалеку угрюмыми глыбами серели полуразрушенные, но все еще высокие и могучие каменные устои капитального моста. От них на снег падали косые черные тени.

Немного в стороне столпились солдаты. Они пришли со станции, чтобы поглазеть на незнакомую реку. Лениво переговаривались.

— Разве это река? — спрашивал один из них жидким тенорком. — Вот наш Енисей — таких-то десять речек надо.

— Ну! — возразил ему другой. — Подо льдом-то и ваш Енисей не виден. Вот подожди, эта тоже разыграется. Вишь, мост как высоко был задран?

— Разыграется на нашу голову, — хмуро вступил в разговор третий солдат. — Теперь как бы домой выбрать-ся, а тут весна, разливы, тьфу! Занесло нас, дураков, сюда...

Коля уже порядочно продрог к тому времени, когда, наконец, с верховьев донесся первый, еще слабый шум ледохода. В толпе неожиданно расступился коридор — шли офицеры со станции. Они, двое, остановились над обрывом и, приложив руки козырьками к глазам, долго всматривались в строения на реке.

— Надеюсь, выстоят! — отчетливо сказал один.

Другой пожал плечами и лениво ответил:

— Это, вообще говоря, нам теперь безразлично...

А ледоход приближался, то замирая и останавливаясь, то вновь вскипая торосящимися валами, которые река выбрасывала из теснины между двух гор, что горбами высились на востоке. У станции — широкий плес, раскинувшийся пологой дугой. С каждым новым валом плес вспухал, лед заметно приподнимался, все больше отставая от берегов. И вот, наконец, по ледовой броне с глухим треском побежали стремительные трещины. Коле показалось, что весь плес вдруг вспучился, и тотчас все поплыло в его глазах: берег, дома на той стороне реки, прибрежные горы. Это сдвинулась и сразу стремительно покатила вниз вся лента реки.

В суматошной спешке разворачивались огромные ледяные поля, и края их торосились, далеко забираясь на высокие галечные отмели и прибрежные косы. Поля крошились на глазах, льдины сталкивались, и над рекой висел неумолчный шорох.

Раскрошенный лед обходил деревянные клетки-ряжи,

гулко ударялся о камень полуразрушенных устоев капитального моста.

— Смотри, стоят! — сказал Коля, показывая на деревянные ряжи.

— Вода пока низко идет, — отозвался Пашка. — Вот прихлынет, будет тогда потеха!

И она скоро пришла, высокая вода. Сначала наступило затишье, река стала на глазах убывать. Лед с плеса почти весь скатился по течению, сверху льдин не прибывало, и чистая вода лениво струилась на уровне ниже летней межени. Обнажились донные отмели с крупными гальками. Но те, кто вырос на Чусовой, знали, что это только затишье перед грозой. Своенравная река неподалеку от поселка сама себе набросала затор из льда на одном из перекатов. Там, сжатая с обеих сторон горами, вода копится, собирает силы для того, чтобы ринуться вниз с двойной скоростью, смести все на своем пути. Тогда ничто уже не сможет ее остановить.

Все ждали этого момента и не расходились, хотя уже начало заметно вечереть, а от обнажившейся воды несло зябким сырым холодом.

И вот донесся грозный рокот. Вал воды высотой, наверное, в две сажени, широкий и ровный, как стена, вынесся из-за стиснутого горами поворота реки. Он был густо замешан крошеным синим льдом и быстро захлестнул весь плес. Суматошно крутятся и ныряя в струях, плыл целый сарай, который река прихватила где-нибудь возле Шайтана.

А когда Коля перевел взгляд на середину реки, то вздрогнул. Не было ряжей. Не было штабелей бревен. Ничего не было. Река в одну минуту снесла, похоронила всю зимнюю работу сотен и сотен людей.

— Ну, вот и все! — бодро сказал Пашка. — Идем, холодно...

Когда мальчики уже поднимались к поселку, их неожиданно догнал Крапивин. Он тоже шел с реки — лицо у него посинело от холода.

— Ты выздоровел? — спросил он Колю. — Приходи завтра в депо — в ламповой у меня опять некому работать. Как живешь-то?

— Да ничего, — смутясь от непривычно ласкового тона мастера, ответил Коля. — А что?

— А вот что: дома теперь не сиди. Плохо или хорошо, а будь в депо. Случись, пойдут обходом да застанут тебя дома... Беда будет, понимаешь? А на миру — оно легче.

— Хорошо, приду.

Мастер ссутулился еще больше и пошел от них в сторону.

— Что-то он подобрел, — удивился Пашка. — Видно, чует... Ну, бежим, холодно.

Перевал

После небольшого затишья на Чусовской снова началось столпотворение. В течение мая капитан, приехавший вместо того штабного офицера, который затеял строительство моста, сумел заметно разгрузить станцию. Пока стояла Чусовая, начали небольшими партиями подгонять вагоны, подтянутые из Перми. Они останавливались на левом берегу перед разрушенным мостом, и в них грузили боеприпасы, перетаскивая их через реку на руках. Часть вагонов и грузов капитан отправил к Тагилу.

Но в июне началось обратное движение. Разрознен-

ные, потрепанные отряды некогда грозной колчаковской армии подходили от Перми один за другим. Они переправлялись на чем бог приведет и спешили к станции, горячо веря, что раз добрались до чугунки, то теперь их немедленно посадят в вагоны и увезут подальше от красных — домой, в Сибирь. Они так торопились, что даже не останавливались на берегу просушить одежду после переправы.

Это была только часть потока разбитых войск, хлынувшего от Перми. Одни уходили на Кунгур, другие пытались пробиться через Лысьву, а третьи волей приказа или случая оказались у Чусовой.

Несколько позже такой же поток хлынул с севера, от Кизела. Эти солдаты были оборваны и измучены еще сильнее — им большую часть пути пришлось проделать пешком по железнодорожному полотну, проложенному в местах глухих и бесприютных. Они теряли в пути товарищей, упавших от истощения и усталости, им пришлось отражать нападения местных красных отрядов — шахтеров, лесорубов.

Капитан понимал, что недалек день, когда придется оставить эту станцию навсегда, и мучительно думал над планом эвакуации. Он послал усиленные патрули из наиболее надежных солдат, и они наводили относительный порядок: из прибывающих солдат на ходу формировали взводы и роты, назначали командиров. Тех, кто, помимо команд, пытался пристроиться к отправляемым на Тагил эшелонам, не жалели — расстреливали.

Но и их, этих эшелонов, отправить пока много не удалось. Паровозы были разбиты, путь ненадежен, связь и сигнализация почти не работали, и каждый эшелон отправлялся в путь буквально вслепую.

Дни были уже на счету: капитан получил донесение о том, что от Перми отходит, прикрывая отступление

последний, наиболее боеспособный полк, оставленный в арьергарде. Через день-два он подойдет к Чусовой, и, по всей вероятности, свернет к Лысьве. За ним придут красные.

А дорога на Тагил почти не действовала. Паровозы, ушедшие к Тагилу, пока не возвращались — наверное, их там направляли дальше, к Екатеринбург. На станции же исправных локомотивов больше не было, если не считать мощный американский «декапот», который капитан пока придерживал на самый крайний случай.

Наконец, капитан предпринял решительный шаг. Он приказал, согнав в депо ремонтных рабочих, оцепить его солдатами и не выпускать никого, пока не будут отремонтированы и растоплены все паровозы, которые имелись на станции и в депо.

Он нервничал. В Перми командования, по существу, не было. Эвакуацию войск он вел на собственный страх и риск. Ему только изредка удавалось сноситься с командирами частей, которые еще удерживались на пермском направлении. А они торопили, говоря, что долго продержаться не смогут, что никто не представляет себе, какими силами наступают красные, разведка беспомощна, в войсках усиливается дезертирство.

Еще хуже обстояло дело с паровозными бригадами. Машинистов не могли сыскать. Те же, кого удавалось застать дома и под винтовкой привести в депо, казались капитану ненадежными. Он отправлял их в рейс под ружьем. Отправленные пока не вернулись, а поиски в поселке других машинистов успеха не имели.

Кто-то вспомнил, что один из местных машинистов неизвестно зачем содержится в следственной комиссии. Капитан велел привести его.

Вскоре этот машинист сидел перед ним. Был он сов-

сем седой, очень бледный. Крупное спокойное лицо его произвело на капитана хорошее впечатление.

— Здешний? — спросил капитан.

— Да, я чусовской, — с достоинством ответил механик.

— За что в следственной содержался?

— Да так... Вез красных к Перми. Тогда, зимой.

— Ах, вот как. Что же ты их вез?

— Ну, это моя работа, — спокойно ответил машинист, глядя поверх головы капитана в окно. В голубых глазах его отражался переплет рамы и светлое небо за ней.

Капитан покачался на стуле, раздумывая.

— Значит, и нас повезешь? Помощник есть у тебя?

— Был раньше... Костромин Михаил. Еще кочегара надо. Хоть из солдат кого. На «американце» без кочегара не уехать — работы много.

— Хорошо, ступайте на паровоз. Еду вам принесут. Небось, в той гостинице досыта не кормили?

Дядя Костя — это был он, — немного волнуясь, поднялся в будку американского «декапота». Он ездил раньше на нем. Здесь ему был знаком каждый шуруп, каждая царапинка на стенах. Он сел на привычное место у правого окна, потрогал рычаги, опустил руки к коленям и задумался. Вот и белых придется везти. От одной этой мысли нехорошо на душе. Доносился с путей гомон солдатни, грузившей что-то в вагоны. Однако на паровозе дядя Костя чувствовал себя не то чтобы лучше, а как-то увереннее, чем там, в камере подследственных, где он томился в неопределенности долгие месяцы.

Послышались торопливые шаги. Но это был не Мишка, а худенький быстроглазый солдат. Он неумело влез по стальным ступенькам в будку и поставил на пол судки с какой-то едой.

— Ешь вот! — сказал он. — А мне приказано быть кочегаром.

Дядя Костя даже не пошевелился.

Наконец пришел Мишка Костромин. Он не сразу узнал машиниста. Чуть не со слезами смотрел паренек на изменившегося дядю Костю. Он помнил, как, бывало, гнулись и скрипели стальные ступеньки паровоза под тяжелой ногой механика. А теперь старая форменная куртка висела на его плечах совсем свободно, и кости лопаток, широкие и косые, круто выпирали под ветхой заносившейся тканью.

— Ну, Михаил...

— Что, дядя Костя?

— Ехать придется.

Они обменялись взглядами, понимая друг друга без слов: за их спинами возился рябой солдатик-кочегар, и высказать все, что хотелось бы, они могли только так, глазами.

Потянулись обычные минуты ожидания отправления. Михаил закидал углем и поленьями топку, открыл сифон, и огонь разгорелся — белый и ровный. Стрелка манометра толчками подвигалась вправо, пока не достигла контрольной красной черты, говорившей о том, что давление пара в котле — предельное.

Наконец, из станции вынырнул дежурный и подал на паровоз жезл. Дядя Костя привычно воткнул его за скобу у котла, нагнулся и еще раз прочитал надпись на нем. Все было в порядке, и он взялся за регулятор.

«Декапот» натужно вздохнул и стронул с места застоявшийся тяжелый состав. Простучали под колесами выходные стрелки, путь пошел круто влево, и тотчас блестящую под солнцем ленту Чусовой закрыли горы.

Перед самым отправлением капитан прислал на паровоз еще двух солдат. Мишка, подбрасывая уголь в топ-

ку, уголком глаза следил за ними. Солдаты стояли настороженно, словно бы ждали чего-то нехорошего от него, Мишки. Один еще молодой, подтянутый и начищенный. Другой — полная противоположность первому — пожилой и молчаливый. Он уныло сутулился, усы на его морщинистом и желтом, как ремень, лице казались приклеенными.

Первые двадцать километров линия идет узким руслом речушки Архиповки и поднимается все выше в горы, на самые вершины лесистых увалов. Повороты, повороты. Состав, длинный и тяжелый, «затирало» на кривых. Уголь получили на станции плохой. Поэтому Мишке приходилось нелегко. Он уже весь взмок, стараясь удержать в топке огонь, а в котле — пар. К тому же солдат-кочегар, видно, не нюхивал раньше такой тяжелой работы. Ткнувшись к лотку, Мишка часто только звенел лопатой по пустому железу, и тогда ему приходилось лезть в тендер и помогать солдату подгрести уголь к будке.

Когда показались входные сигналы станции Архиповка, Мишка уже совсем вымотался. Дядя Костя вытянул из кармашка за ремешок круглые казенные часы, посмотрел на них и показал Мишке два пальца — подымались до Архиповки два часа. Жест этот почему-то показался подозрительным молоденькому солдату-охраннику, и он неожиданно взбеленился: так выхватил у дяди Кости часы, что сразу лопнул ремешок, и, ткнув ими машинисту в лицо, заорал:

— Саботировать задумал? Вы так до морковкина заговенья до Тагила не довезете! Пулю захотели, мерзавцы?

— Да не ори ты, Петра! — остановил его пожилой солдат, нехотя поднимаясь с корточек и вынимая изо рта короткую трубку. — Видишь ведь: стараются. Парнишка вона весь в поту... Лучше бы помог...

На станции придержали ход, и Мишка, выйдя на лестницу, на ходу обменял с встречавшим поезд стариком-дежурным жезл. Он привычно передал новый жезл машинисту, тот так же привычно-внимательно прочитал надпись на нем и повесил его на скобу у котла. Мишка оглянулся в окно: длинной вереницей тянулись за ними вагоны, отчетливо постукивая колесами.

После Архиповки путь пошел под уклон, и дядя Костя, чтобы подкопить пар перед следующим подъемом, прикрыл регулятор, пустив поезд катиться своим ходом. Это опять не понравилось молодому солдату.

— Ты что делаешь, сволочь? — закричал он, замахиваясь на машиниста прикладом. — Открывай пар! Гони!

Но механик успел уклониться от удара и схватил винтовку за ложу. Рука его, за годы работы окаменевшая от регулятора, от пудовых ключей и кувалд, держала винтовку шутя, а солдат, смешно приплясывая, рвал ее к себе.

— Ну? Успокоился? — чуть охрипнув, но насмешливо спросил его дядя Костя. — Держи свою палку и не балуй... Видишь, по твоей глупости целую версту вслепую ехали — в окошко я не смотрел. А если бы там путь был разобран? Тебя бы, дурака, первого котлом придавило.

— Как он тебя! — засмеялся пожилой солдат. — Эх, Петра, мало ты еще лиха видел...

Молодой снова стал с спиной машиниста и молчал не по-доброму. А дяде Косте было не до него. Поезд по уклону быстро разбежался, смотреть надо в оба. Рельсы, за которыми давно никто не следил, были ненадежны; машинист слышал, как паровоз словно бы спотыкался на закруглениях линии или вдруг проваливался, вздрагивая на невидимой ямке. Будку стало раскачивать сильнее и сильнее, в тендере глухо брякали и скрипели пустые бидоны и двухсаженные топочные резак.

К вечеру поезд миновал обширное плоскогорье, где линия ныряла с одного увала на другой. Дальше начинались места, которые даже самые опытные машинисты проезжали с беспокойством. Мишка оторвался от топки и упал грудью на подоконник, жадно вдыхая встречный ветер, напоенный густым запахом хвои. Быстро вечерело. Линия здесь делала по два-три поворота на версте, лепилась на узком каменном карнизе. Справа — почти отвесный обрыв в широкую долину, слева — нависли над головой серые неприветливые скалы.

Впервые за много часов пути они увидели впереди людей: навстречу ехали конники, неизвестно откуда появившиеся в этих диких местах. Вскоре можно стало различить погоны, и Мишка догадался, что это, наверное, разъезд белых, посланный досматривать за линией. Еще издали конники начали махать, требуя остановиться. Мишка оглянулся и понял, в чем дело. У нескольких вагонов горели буксы, и дым, черный, маслянистый, тянулся вдоль поезда, путаясь в сотнях колес.

Дядя Костя потянул регулятор. Паровоз тяжело катился еще некоторое время, потом встал. Вагоны дернулись было назад, но хвостовой кондуктор уже положил на рельсы башмаки, и состав снова замер. Стало слышно, как в серых скалах тоненько насвистывает ветер. А выше, над ними, мчались разорванные в клочья облака. Видно, там бушевал жестокий верховой ветер, который, как знал Мишка, приносит в этих местах недлинное, но крутое ненастье.

— Ну что? — спросил дядя Костя у подъехавших конников, выглянув из окна.

В ответ понеслись ругательства.

— Ты как едешь? — орал один, в серебряных погонах. — Почему вагоны горят, ска-атина?

— Я, ваше степенство, отвечаю только за паровоз, —

сказал дядя Костя. — За вагонами смотрят кондуктора.

— Я тебе покажу, кто за что отвечает! Марш с паровоза! Давай инструменты!

Машинист полез в тендер, молча выбросил через дверь на обочину пути домкрат пуда в четыре весом, два тяжелых грязных лома. Он поманил к себе Мишку, молча указал глазами на сцепку. И этот взгляд вызвал в душе паренька целую бурю. Значит, пришла пора действовать. Он знал, что дядя Костя умеет принять решение и выполнить его. И теперь он почти не сомневался, что машинист сделает что-то серьезное. Так же молча, чуть заметно он кивнул в ответ.

Солдаты подтащили к дымившим вагонам старые шпалы, валявшиеся неподалеку на обочине. Машинист показал им, как сложить клетку, как установить домкрат, терпеливо ждал, когда вагон приподнимут.

Конники, видя, что работа наладилась, поехали по полотну в сторону Чусовой. Вагон к этому времени приподняли, дядя Костя одним движением выбросил горячий тяжелый подшипник. Сплав на нем весь выгорел, тускло поблескивала бронза. «Попесочил кто-то смазку хорошо, — думал машинист, ощупывая внутренность буквы. — Теперь хоть шабри, хоть нет — все равно с огнем поедешь...» А сам все поглядывал на паровоз. И дождался: оба охранника сошли с паровоза и стали прохаживаться, разминая ноги. Он видел, как и Мишка, помедлив немного, тоже спустился с паровоза и стал осматривать колеса.

— Никуда не годится шабер, — буркнул дядя Костя. — Пойду другой принесу.

Не дожидаясь ни ответа, ни разрешения, он вразвалочку пошел по хрустящему гравию к паровозу. Увидев его, Мишка быстро нырнул между паровозом и первым вагоном и сбросил тяжелую сцепку.

— Эй! А ну, погоди! — закричал один из солдат, почуввав неладное.

Дядя Костя, даже не оглянувшись, ускорил шаг.

На шум выглянул из теплушки полупьяный офицерик — старший эшелона. Спросонья он завопил тонким голосом:

— Стреляйте!

И крик этот всех подстегнул. Дядя Костя несколькими прыжками добежал до паровоза и стал подниматься по лесенке.

Молоденький солдат-охранник бежал к паровозу и стрелял на ходу. А дядя Костя уже был у входа в будку, на самой верхней ступеньке. И тогда выстрелил пожилой охранник — издали, припав на колено. Дядя Костя медленно, как показа-

лось Мишке, падал навзничь. Он упал прямо к его ногам, на спину и не шевелился. Старый окопник был, видно, мастер стрелять: пуля попала в голову. Затрепанная фуражка откатилась в сторону и видно было, как быстро окрашиваются светлой кровью седые волосы дяди Кости.

Мишка на минуту оцепенел. Но вот пуля ударила по металлу лопаты, которую он держал в руке. Щелчок этот вывел его из забытья.словно в воду, бросился он под откос, в колючие заросли шиповника. Где-то над головой глухо хлопнули еще два выстрела, потом все стихло. Мишка тоже замер, успев скатиться вниз на добрых десять сажен. Послышались голоса.

— Надо живьем брать, — возбужденно говорил кто-то. — Без него все одно никуда не уехать.

— Пымаем... — уверенно пробасил другой. — Оцеплять надо.

Мишка подался было еще вниз, обдирая руки о шиповник. Но его уже обходили. Справа и слева склоны были голы, солдаты быстро, по-фронтовому сноровисто рассыпались в цепь. И Мишка затосковал. Он понял, что теперь уж не уйти. Неужели его поймут, заставят вести поезд? Неужели зря погиб дядя Костя?

В тоске он поглядел вверх. Виднелся паровоз, одинокий, брошенный всеми. И вдруг отчаянно-дерзкая мысль пришла в голову Мишке. Он начал быстро и бесшумно пробираться вверх.

«Ничего, — успокаивал он себя. — Ничего... Успею, должен успеть!» Вот и бровка полотна, он видит колеса паровоза. А солдаты там внизу, оцепляют кусты. Не таясь больше, Мишка кошкой метнулся к паровозу. Дядя Костя все лежал у ступенек, и Мишке пришлось перешагнуть через него.

Мишка не помнил, как взлетел по лесенке, не слышал криков внизу. Он опомнился в будке и тотчас схватился

за регулятор. Но тяжелый рычаг был, видно, под силу только железной руке дяди Кости и не захотел поддаваться. Заплакав от злости, Мишка уперся плечами в стенку будки и двинул регулятор ногами. Паровоз, отцепленный от вагонов, рванулся и побежал, быстро набирая скорость. Мишка оглянулся: фигурки у брошенного состава суетились, махали руками.

«Пусть теперь попляшут!» — злорадно подумал он и сразу лег на вздрагивающий пол, потому что уже несколько пуль прошли тонкие стенки будки.

Он пролежал так, наверное, долго. Когда опомнился, сразу подумал: «Топка прогорает». Привычная забота о топке заставила его встать. Паровоз все шел, но уже медленно, расходуя последний пар. Огня в топке почти не было. Мишка закрыл регулятор, подтянул тормоз.

Стал слышен свист ветра. Уже совсем стемнело, но Мишка еще различал местность. Паровоз стоял на гребне высокой насыпи, проложенной через крутой глубокий распадок. Выходило, что пока он лежал на полу, паровоз пробежал верст шесть или семь.

Мишка представил себе, как суетятся там, у брошенного состава, белые, не зная, что делать. Не спеша он достал бидончик с густым зеленым маслом для паровых машин и облил поцарапанные кровоточащие ладони. Он еще не знал, что предпринять, но решение потихоньку зрело. «Пушу паровоз... Завалит путь, тогда ни одна сволочь от Чусовой не проедет».

Он закидал почти потухшую топку углем, добавив еще несколько сосновых плах, открыл сифон. Когда огонь в топке разгорелся, когда стрелка на манометре дошла до предельной черты, Мишка обстоятельно собрал все, что было ему дорого: свой и дяди Кости чемоданчики, кисет с махрой, лежавший на столике-уголке, часы машиниста. Потом перевел реверс «декапота» на задний

ход, открыл регулятор и прыгнул на бровку полотна. Паровоз заскользил обратно, туда, откуда только что прибежал. Он быстро скрылся за поворотом, а перестук его колес становился все быстрее и быстрее.

Отойдя в сторону от полотна, Мишка напряженно вслушивался. Свернул из махры толстую папиросину. Курил, жадно затягиваясь. Когда самокрутка сгорела почти до конца, издали донесся тупой удар, а затем звон и скрежет железа.

«Добежал мой гостинец». — Мишка огляделся вокруг. Он знал, что места здесь дикие, необжитые. На десятки верст только тайга и топи. Кроме сторожей, живших в путейских казармах вдоль линии, кругом нет ни души. Но по шпалам идти Мишка не решился: можно было нарваться на разъезд белых. И Мишка зашагал в сторону от полотна, туда, где, он знал, кроется в ночи горный перевал, за которым лежит Чусовая.

Не уйдут!

Стараясь не попасться на глаза солдатам, Коля пробрался к ламповой. Он не был здесь уже два месяца. Тяжелый замок заржавел и открылся с трудом. В низкой камерке застоялся старый тяжелый запах керосиновой гари. Коля по привычке расставил лампы в ряд и принялся чистить стекла паклей. За толстой стеной, в депо, слышались удары кувалд по железу.

Колю потянуло туда, на народ. Он прошел через узкую боковую дверь, просеченную в толстой капитальной стене депо, и оказался в подъемочном цехе. Здесь расхаживал Крапивин. Он был сегодня не похож на себя. Ря-

бое широкое лицо вспухло и побагровело, движения были вялые и неуверенные, голос хриплый. За ним по пятам неотступно следовал унтер-офицер из охраны. И все же нет-нет да удавалось Крапивину завернуть в боковую кладовушку, где, как все знали, у него хранилась бутылка с техническим спиртом. Ключ от этой кладовушки мастер всегда носил с собой и только в самом редком случае, когда надо было промыть снятые с паровозов манометры, самолично отпирал кладовку и наливал несколько ложек спирту в баночку из-под сапожного крема. А сегодня, видно, махнул на все рукой и потихоньку отбавлял из заветной бутылки.

Коля потолкался в депо и вернулся в ламповую: время было позднее, и он надеялся хоть немного вздремнуть.

Но поспать не удалось. Было около трех часов ночи, вечерняя заря уже смыкалась с утренней, когда в ламповую забрел Крапивин. Покачиваясь, он постоял на пороге и вдруг грязно выругался.

— А ты что здесь? Марш в депо! Я покажу — бездельничать...

Закончив фразу совсем тихо, он сделал пару шагов, опустился на замасленную табуретку и тотчас захрапел, уткнувшись носом в залитый керосином стол. Коля приотворил дверь снаружи поплотнее и побежал в депо.

Вскоре на него налетел унтер, приставленный к Крапивину.

— Где мастер? Не видел, где мастер?

Коля помотал головой и поспешил отойти в сторону. А унтер уже тянул за рукав какого-то рабочего:

— Мастера не видал? Ведь с меня спросят...

В голосе его слышались слезы. А рабочий ловко вывернулся и скрылся в пару, который валом шел из промывочного цеха.

В депо много укромных уголков, где можно спрятать-

ся и даже поспать. Крапивин знал их наперечет и, когда ему было надо, без труда разыскивал всех лентяишек. Но солдаты, конечно, не знали этих уголков. Коля видел, что людей стало заметно меньше: с уходом Крапивина то один, то другой рабочий бросал инструмент и отправлялся в свой укромный уголок, чтобы хоть на часок заснуть перед рассветом.

Коля помогал пожилому слесарю собрать сальник на одном из паровозов. Стоявший поблизости солдат прикрикнул на него:

— Побыстрей копайся, молокосос!

И для острастки двинул прикладом. Коля смолчал, но как только солдат отвернулся, шмыгнул к промывочному цеху. У него тоже был свой заветный уголок: между котлами, в которых грели воду для промывки паровозов, и задней капитальной стеной депо. Но там слышались тихие голоса. Коля подшел поближе.

— Черт бы побрал это оцепление! — говорил кто-то хрипловатым басом. — И надо было мне лезть сюда...

— Да, неладно получается, — ответил другой голос, и Коля узнал — Успенский. — Помалкивают путейцы. А ведь вроде ясно тогда договаривались... Спосылать бы кого? А то так еще не один эшелон отпустим.

— Может, поарестованы все, — отозвался его собеседник. — А мы тут как слепые — ничего не ведаем. Поймай-ка! Это ты подслушивать?

Говоривший быстро вывернулся из-за котла и больно схватил Колю за локоть. Был он невысокий, но широкий, как верстак, и пальцы у него — словно железные. На голове неуклюже держалась широкая форменная фуражка. Коля присмотрелся и вдруг узнал его. Как-то, еще до белых, ремонтировали паровозы из Пермского депо. Принимать их приезжали четверо. Вот среди них и был тогда этот широкоплечий.

— Отпусти, — сказал ему подошедший Успенский, — наш это. Помнишь, расстреляли зимой глухого Трифона Стародумова? Сын...

Незнакомый затащил Колю за котел.

— А что, — начал он, вопросительно глянув на Успенского, — может, его послать? Справится?

Успенский неуверенно кивнул. Не хотелось ему послать Колю на опасное дело. И видел, что другого выхода нет.

— Видишь, надо до путейцев добраться, — тихо сказал он Коле. — До первой казармы, за горой. Разузнать, что у них, почему путь не разобрали. Тебе легче выбраться. А мы, видишь, сидим, как в капкане.

— Мы бы с Пашкой, — сказал Коля.

Успенский улыбнулся.

— С Пашкой так с Пашкой... Тоже наш, надежный парнишка, — добавил он, повернувшись к приезжему.

Коля знал одно место, где можно выскользнуть из депо незамеченным. Под стеной депо был небольшой пролом, там выходила неглубокая канава, по которой грязная вода из промывочного цеха стекала в реку. Сейчас воды в канаве было не особенно много. Но прямо у канавы стоял солдат из оцепления. Коля сидел на корточках у пролома и ждал, не отойдет ли хоть ненадолго солдат в сторону. Отсюда ему был виден край станции, берег реки.

От Перми только что подошел еще один большой отряд отступающих белых. На самодельных бревенчатых паромов перетягивали через реку полевые орудия и зарядные ящики, вплавь гнали коней. И заметно было по порядку и организованности, что это настоящая боевая часть, а не толпа дезертиров.

На главных путях станции грузили вагоны. На платформы втаскивали орудия и мешки с песком.

Коле вспомнилось, как однажды в лесу они остановились с отцом на отдых. Отец курил, а Коле не сиделось. Он стал забавляться — кидал в муравейник палочки. Бросишь — и забегают, засуетятся маленькие хозяева. Пройдет минута — успокоятся. Еще бросишь веточку — и вновь начинается суматоха. Что-то вроде этого творилось сейчас и на станции. Со стороны Перми изредка доносились раскаты орудийных выстрелов, и после каждого такого отзвука суматоха на станции усиливалась.

Вдруг Коля увидел: от депо к штабному вагону два солдата ведут мастера Крапивина. Даже не ведут, а тащат, у Крапивина ноги заплетаются. Загляделся на эту картину и

солдат. Коля юркнул в канаву, протиснулся между деревянными брусьями решеток, на четвереньках прошел до первых домов, выбрался из канавы и свернул в переулок...

Еще не взошло солнце, а они с Пашкой Копалиным уже шагали по узкому логоу, по которому можно было скрытно подняться на пристанционную гору. Линия шла под ними, далеко внизу, круто поворачивая сначала на север, а потом на восток. Там, на последнем повороте, желтой коробочкой виднелась освещенная первыми лучами путейская казарма.

— Подойдем поближе! — сказал Коля.

Они преодолели крутой распадок и оказались на греб-

не следующего увала. Отсюда до казармы уже было рукой подать. В траве затрещали на все голоса кузнечики. Раздвинув низкие кусты на краю выемки, мальчики долго смотрели на казарму. Там никто не появлялся. Тогда они спустились к линии и, оглянувшись, пересекли по-лотно.

В отгороженном частоколом дворе казармы было пусто. Рыхлая, перемешанная с навозом земля взрыта копытами коней. Пашка потянул Колю за рукав. Под навесом дровяника, на гряде щепок, лежал ничком путейский сторож — бородатый, известный всем мальчишкам, проживший в этой казарме столетия. Он лежал, словно бы отдыхая. К широкому поясу, как всегда, привязаны были сигнальные флажки, коробка с петардами и путейский молоток на длинной ручке. Таким его ребята всегда встречали на линии или вблизи казармы, когда шли в эту сторону по грибы или малину. Только не отдыхал он — от сабельного удара разошлась одежда от плеча к поясу, и там виднелось красное... Неподалеку, головой в другую сторону, лежала старушка, его жена. Мертв был и огромный, знакомый ребятам, пес у своей конуры. Мальчики огляделись повнимательнее и увидели, что весь дом имел следы какого-то дикого погрома: в окнах ни одного целого стекла, крепкая дверь казармы и та сорвана с петель, расщеплена и отброшена к огоро-ду.

Не оглядываясь, мальчики побежали от этого страшного места.

Расставшись невдалеке от станции с Пашкой, Коля направился в депо: надо было как можно скорее рассказать об увиденном Успенскому. Но обратно пробраться незамеченным не удавалось. У канавы, где он выбрался из депо, теперь стоял вагон, и целая ватага солдат таскала в него мешки, подвезенные на подводах из заводского

поселка. Не зная, что делать, Коля долго смотрел издали.

Но вот из депо вытолкнули паровоз — видно, за ночь его все-таки «поставили на пар» и теперь выгоняли на станцию под состав. Паровоз поставили на поворотный круг, от которого веером расходились рельсы во все цеха. Коля решил попытаться пройти в депо с этой стороны. Он хотел прошмыгнуть к кругу, пройти за вагою с круговоротчиками, а потом вместе с ними зайти в депо.

Но на этот раз ему не везло. Только вышел из-за угла — наткнулся на маленького попика, которого видел зимой сначала на перроне, а потом на кладбище. Попик, видно, скучал от безделья в своем голубеньком молельном вагоне. Его часто можно было видеть прогуливающимся то на вокзале, то на ближних улицах. Вот и сейчас он стоял и глазел, как поворачивают на круге тяжелый паровоз.

Он поманил Колю к себе.

— Ты здешний? — строго спросил попик. — Экий ведь чумазый, прости меня господи. Как чертеночек... Так здешний?

— Ага, — ответил Коля.

— Вот и дельно. Пойдем-ко, я тебе серебряный рубль дам. А ты принеси мне солоненьких огурчиков — у матери возьми, а то у соседки. Только не вздумай убежать с рублем-то. Священников никогда не обманывают, потому что это самый большой грех...

Он быстро засеменял к штабному бронепоезду, и Коля едва поспевал за ним, удивляясь, как это поп быстро ходит на таких коротких ногах.

На двери молельного вагона черным пятном виднелась икона. А прямо под ней, у колес, два дюжих солдата усердно терли уши лежавшему на земле Крапивину, трясли его, как куль с мукой, не скупясь на пинки.

— Валерий Максимович! — тоненько закричал попик.

Дверь штабного вагона звякнула, и оттуда выглянул капитан — комендант станции.

— Что там еще случилось? — спросил он, недовольно щурясь на Колю красными от бессонницы глазами.

— Да нет, я не про отрока, — пояснил попик. — Его я за огурцами хочу спсылать... А вот человека-то тут что мучают?

— Эй! Что я вам говорил! — закричал капитан солдатам, которые все еще усердно пинали Крапивина. — Привести в чувство, а вы его, того гляди, прикончите. У тебя, отец Василий, нет ли чего рвотного? Надо этого мастера к работе в депо приставить. Напился не ко времени, скотина!

— Ох, грехи наши! — перекрестился поп, когда издали опять донесся нестройный глухой гул пушек. — А я что-нибудь найду...

— Ничего, отец Василий, там еще держатся. Вот полк Крутова подойдет, и мы тронем...

Поп принес из вагона какого-то лекарства. Все занялись Крапивиним, и Коля хотел было уже незаметно уйти, но тут попик обернулся к нему.

— Ах ты, память! — воскликнул он. — Ведь серебряный-то я не дал тебе?

Он долго копался в углу своего вагончика и, наконец, подал Коле белую монету и сверточек желтой хрустящей бумаги.

— Ты их хоршо заверни, огурчики-то, — напутствовал он.

В это время к штабному вагону подошел человек в длинной шинели и сразу направился к капитану. Он о чем-то рапортовал, но Коля плохо слышал от волнения: он узнал офицера — это был тот самый, который управлял пулеметом во время расстрела деповских рабочих.

— Нет, бронепоезд пойдет последним, будет прикрывать станцию во время отхода, — говорил в это время капитан офицеру. — И вам надлежит быть с командой поезда...

Не чуя под собой ног, Коля пустился к депо. Солдаты оцепления видели, что он только что разговаривал с попом и капитаном, и пропустили его даже почтительно, приняв, видно, за их посыльного. Коля, не мешкая, разыскал Успенского и рассказал, что он видел в путевой казарме.

— Теперь понятно, — в раздумье проговорил Успенский. — Значит, не уберется Михеич... Однако что же делать теперь? На него была главная надежда.

— А, черт! — выругался, почти простонал, ударив по воздуху кулаком, широкоплечий. — Ведь не выйти, ни за что не выйти. А может быть, все-таки рискнуть? Дай-ка мне что-нибудь погрязнее.

Ему принесли обноски, все рваные, в золе и глинистой грязи. Он торопливо натянул их на себя и решительно направился к воротам, ведущим к поворотному кругу. На плечо взял кривую ржавую трубу, и вид у него был такой, словно бы он страшно торопился по делу.

А вскоре Колю вновь разыскал взволнованный Успенский.

— Не прошел он... Взяли... Узнал какой-то гад на станции!

— А знаете, дядя Федя... — нерешительно начал Коля.

Успенский нагнулся к нему, внимательно выслушал, переспросил; сначала на лице его было выражение недоумения, потом он скупно улыбнулся.

— А что? Может, и получится. Только как ты выйдешь?

— Я выйду. Меня ведь за огурцами послали.

У боковой калитки депо, выходявшей в сторону поселка, стоял сутулый и малорослый пожилой солдат. Коля показал ему рубль и сказал:

— Меня за огурцами послали.

— А-а, это отец Василий наш, — усмехнулся солдат. — Выпьет он, видать, вечером-то. Ну, жарь!

Вскоре после того как Коля ушел из депо, появился Крапивин. Он ругался хуже сапожника, вытаскивал рабочих из разных теплых уголков. Работа вроде бы ожилилась: вновь под закопченными сводами загремели удары по железу, послышался визг напильников и свист пара.

Когда Крапивин пришел в себя, его провели в штабной вагон. Капитан, сидевший в кресле, показал на наган, лежавший у него на столе, и зло сказал:

— Если в течение суток не поставите на ход еще три паровоза, приду в депо и пристрелю собственной рукой. Ясно?

Вот и поднял такой шум Крапивин, едва только вернулся.

А капитан вскоре забыл о нем за многими другими заботами. Он понимал, что по железной дороге эвакуировать всю эту массу войск невозможно. Горели буксы в составах, паровозы не тянули. Во всем чувствовался упорный, хотя и скрытый саботаж. А тут еще пришло сообщение о крушении на перевале. Когда сказали, что американский паровоз врезался в собственный состав, капитану вспомнилось крупное спокойное лицо машиниста, доставленного из следственной комиссии. И он почти с уважением подумал: «Экий ведь человечина!» Потом беседовал со специалистами — они сказали, что расчистка пути на месте крушения займет несколько дней, да и то, если удастся туда доставить много людей сразу.

Он снова склонился над картой. Взгляд его притяги-

вала извилистая черная линия, которая шла от Чусовой к Тагилу, время от времени пересекая железную дорогу или уходя от нее далеко в сторону.

Ему помнилось, как однажды в Карпатах он вел войсковую колонну километров двадцать по железнодорожному полотну. Пушки и повозки мотались, разбивая по шпалам колеса, кони спотыкались, солдаты ругались. И не свернешь в сторону: горы. Особенно мучили бесчисленные короткие решетчатые мостики, где коней приходилось распрягать и вести низом, а пушки и повозки катить руками. Два десятка верст прошли за полтора дня. Вышли в конечный пункт измученные и целый день приводили в порядок разбитое имущество, отдыхали. Там было двадцать километров. Здесь же их почти двести. И тоже не в степи, где всегда можно сойти в сторону, двигаться полем. Ему пришлось видеть эту дорогу из вагона поезда, когда ехал еще зимой, направляясь к Перми. Камни, насыпи, высокие и острые, как нож, узкие скальные выемки — нигде не пройдешь стороной. Колонна невероятно растянется. И что, если красные обойдут, устроят засаду?

Сам он решение уже принял. Но ему хотелось убедить в правильности его других офицеров. Он знал болезненное стремление многих командиров и солдат — держаться при отступлении железных дорог. Вот ему и хотелось сегодня доказать им и себе, что наиболее безопасный путь лежит через леса, которые хорошо могут укрыть от наступающего противника. Карта говорила, что тракт этот проложен задолго до железной дороги. В каком он сейчас состоянии?

Вскоре вернулись посланные еще с утра в поселок солдаты.

— Нашли! — гаркнул старший. — Доставлены!

В штабной вагон с помощью солдат вскарабкались

два старика. Один — совсем уж ветхий, в застиранной домотканной рубаше, с белой и пушистой, как одуванчик, головой. Другой покрупнее и одет не в домотканное, а в форменную, хотя и древнюю куртку железнодорожника.

Капитан вежливо усадил их.

— Вы знаете вот эту старую дорогу на Тагил?

— А как же знаем, — тихо ответил ветхий старичок. — Бывало, на тройках там гоняли — страсть.

— Значит, хорошая дорога? — нетерпеливо переспросил капитан.

— Да уж куда лучше! — отозвался тот же старичок. — Сам граф Шувалов, бывало, проезжал и хвалил. Дескать, и в Смоленщине таких дорог нету.

— А ты что молчишь? — обратился капитан к другому старику.

— Да что... Правильно Ксенофонт говорит. Не дорога — стекло. Хоть кого спросите.

Тут ветхий старичок ударился в такие длинные и нескладные воспоминания, что капитан поспешил их выводить — время было дорого.

И уже к вечеру первая колонна двинулась в дальний путь. Впереди шел усиленный конный отряд. За ним — до полка пехоты. Дальше двигались полковые орудия и обоз. Замыкал движение конный арьергард — на случай, если начнется преследование красных. Отправив эту колонну, капитан успокоился, зная, что теперь по проложенному следу уйдут все остальные войска, скопившиеся на станции. По одиночке, группами, по стадному инстинкту пойдут они вслед за отправленной колонной. Даже подгонять никого не надо будет.

Он стал думать о другом. Распорядился скомплектовать усиленную команду на очередной, готовый к отправке железнодорожный эшелон. Команда эта должна бы-

ла заняться расчисткой места крушения на перевале. Другой команде, конной, было приказано держать под наблюдением ближайšie к Чусовой перегоны. Он рассчитывал, что если красные появятся на том берегу реки раньше ожидаемого, то их задержит огнем штабной бронепоезд. А самому бронепоезду уйти будет нетрудно даже в последний момент.

В это время командир головного отряда ушедшей на тракт колонны с удивлением рассматривал карту, пытаясь сличить ее с местностью. На карте был обозначен тракт. Он же ничего не видел, кроме высокой, по пояс, дурман-травы и пиканника, все еще не просохшего от ночной сырости. Дальше стеной вздымался молодой лесок.

Сойдя с коня, офицер обнаружил под пологом травы старые, когда-то глубоко наезженные колеи и затянутые временем кюветы. Карта не врала — тракт здесь проходил. Но не было в ней сказано о том, что тракт этот заброшен, умер десятилетия назад, когда была проложена в горах поперек Уральского хребта железная дорога. Карта не сказала и о том, что все кордоны и постоянные дворы на этой дороге уже сгнили, а на самом тракту успел подняться лес.

Командир тронул коня и въехал в заросли травы и кустарника. За ним двинулся конный отряд. Потом прошел обоз и вспахал колесами рыхлую землю. За войсками оставалась широкая черная лента земли. А впереди лежали почти двести верст безлюдной тайги и ненадежная нитка заброшенной дороги. Из Чусовой же все выходили и выходили, подгоняемые далекой канонадой, отряды и группы белых солдат, а то и одиночки, потерявшиеся, отставшие в этом водовороте от своих частей. Позже такой же поток влился на старую дорогу со стороны Лысьвы.

На станции наступила еще одна ночь, полная тревоги и неопределенности. Дёповских все еще не выпускали из корпуса и даже не разрешали приходить встревоженным родственникам и женам, не давали передать узелки с едой. К утру кое-как собрали и поставили на ход паровоз для сформированного белыми эшелона, который должен был уйти впереди штабного бронепоезда с восстановительной командой. И он ушел, этот эшелон, в рассветных сумерках. Повел его какой-то бородатый, похожий на раскольника, тагильский машинист, оказавшийся по воле случая на чувовской станции. Казалось, он и сам обрадовался этой поездке, как случаю добратся поскорее домой.

Этот эшелон смертельно напугал Колю и Пашку. Они в это время были на линии, вблизи разбитой и осиротевшей путейской казармы.

Когда белые взяли и увели пермского железнодорожника, а Успенский был в отчаянии, Коле вдруг вспомнилось одно дело. Они, мальчишки, играли тогда на линии за станцией, где только-только начинается подъем в горы. Мальчишки придумали веселую, на их взгляд, шутку. Нашли ком пропитанной мазутом вагонной подбивки, которую кладут в буксы для смазки осей, и заставили Колю и других младших ребят промазать рельсы от самых стрелок до мостика через речку. Потом все спрятались в кустах и стали ждать, что получится.

Наконец, со станции вышел поезд. Еще не разогнавшись, он сразу за станцией остановился — паровоз буксовал на месте, не в силах был сдвинуть даже самого себя. На беду поезд оказался пассажирский, и в нем ехало какое-то железнодорожное начальство. Началось расследование. Нарушителей скоро нашли, на их роди-

телей наложили штраф, и, видимо, не шуточный, потому что даже Трифон Стародумов, никогда не трогавший детей и пальцем, на этот раз отхлестал Колю ремнем.

На дальних путях, где не было охраны, Коля и Пашка натаскали из старых разбитых вагонов два ведра мазутной подбивки. Работа эта заняла много времени, и к путевой казарме они вышли уже на рассвете. Тогда мимо них и

прошел псезд с восстановительной командой.

Всю ночь дул ветер, нес высокие облака. Наутро он немного утих, но лес еще шумел, и ребята едва не попались, когда из-за поворота вылетел конный разъезд. Но этот же шум помог им спрятаться: конники не услышали треска кустов, когда оба бросились в сторону от линии. Потом они долго сидели в укрытии, стараясь успокоиться, и прислушивались.

— Начинать надо, — сказал, наконец, Коля. — Время-то уходит.

— Тебе не боязно? — шепотом спросил Пашка.

— Боязно... Только слушать надо. Спрятаться успеет — кругом кусты. Вот только на мостике нас видно будет.

— Давай с той выемки начнем...

— Успеет?

— Может, он и не сегодня пойдет.

— Бронепоезд-то? Нет, сегодня, Я дрова таскал днем на станцию, слышал.

Они взяли комья мазутных тряпок и вышли на полотно. Осмотрелись — ничего подозрительного. Пошли, нагнувшись, один у одного рельса, другой рядом, у другого, прижимая к холодной стали тряпки. Ничто не нарушало утреннего покоя. Мальчики прошли всю кривую, огромной дугой протянувшуюся выемку, промазали рельсы на невысокой насыпи ближе к станции. Но на открытый со всех сторон мостик выйти не решились, боязно стало.

За горой стали слышны глухие выстрелы. Эхо долго перекатывалось в горах, потом стихло. Коля и Пашка начали карабкаться по крутому, поросшему леском склону. Вскоре им открылся вид на станцию. Над рекой еще клубились остатки тумана.

— Скоро пойдет! — выдохнул Пашка, показывая вниз.

В самом деле, бронепоезд, всю зиму стоявший неподвижно, оживал. Над трубой его паровоза вздымался густой черный дым — кочегары готовили к дороге топку. Суетились у бронированных вагонов солдаты. Коле показалось, что в толпе он различает маленькую фигурку отца Василия, который так и не дождался от него огурчиков.

— А хватит? Там-то? — спросил, вдруг забеспокоившись, Пашка.

Глядя отсюда на громаду бронепоезда, они как-то не представляли себе, что можно остановить его двумя ведрами мазута.

— Правда, давай еще по мосту пройдем.

И они вновь начали спускаться к полотну железной дороги.

Успенский с нетерпением ждал, что же будет дальше. Сквозь закопченное стекло он видел суматоху на станции, видел, как задымил бронепоезд, как уходили со станции последние отряды.

«Черт, что же они оцепление не снимают?» — думал он. Ему хотелось бежать туда, куда послал мальчишек. Ругал себя за то, что решился на этот шаг. Ребята, по-ди, уже попались и сидят где-нибудь у белых, а может быть, и лежат, застреленные под горячую руку.

На крышу штабного вагона поднялся солдат и стал ударами приклада обрывать провода, тянувшиеся от станционной конторы. «Все, сматываются», — подумал Успенский.

В это время он увидел команду солдат, направляющуюся в депо. Они тащили какие-то ящички. И Успенскому стало ясно, почему до сих пор не было снято оцепление: ждали саперов, которые должны были на прощание подорвать депо.

Успенский обернулся и увидел, что за спиной его стоит и с ужасом смотрит на подходившую команду мастер Крапивин.

— Чего стоишь? — вдруг заорал Крапивин. — Запри наглухо ворота!

— Твои же дружки идут, — огрызнулся Успенский.

— Ну, ты! — вскипел мастер. — Я тут каждый станок ставил! Вот этими руками! Ясно?

Он сам побежал к воротам, навалился плечом, сдвигая тяжелые створки. Успенский кинулся к нему. Вдвоем они повернули кованые рычаги запоров, потом для верности вбили в пол толстый лом. В ворота снаружи застучали прикладами.

— Быстрой! — выдохнул Крапивин.

Они перебежали в промывочную и там также намертво закрыли выход.

— Ну, пойду встречу! — перевел дух Крапивин. Он вышел через дальнюю калитку, которой обычно пользовались только мастера, и, обходя депо, направился к саперам.

Саперы стояли у закрытых ворот. Ящики поставили на землю. От группы отделился стройный подтянутый офицер. Увидев Крапивина, он пошел навстречу, поигрывая на ходу плеткой.

— Это ты — мастер? — спросил он, растягивая слова. — Почему ворота закрыты? Ну, веди.

— Я что? Я сейчас! — отозвался Крапивин.

Офицер пошел за ним, старательно обходя лужи, оставленные паровозами. За ними гуськом потянулись саперы.

— Хозяйство наше небогатое, — жаловался на ходу Крапивин. — Были и у нас станочки, добрые, из-за границы, а потом красные все вывезли. Это, значит, когда они отступали... перед вашей доблестной армией.

— Не заговаривайся! — резко оборвал его офицер. — Ты что, идиот?

Он больно стукнул в спину мастеру стволом нагана.

Ссутулившись еще больше, Крапивин молча шел впереди.

Завернули за угол депо. Низкая дверь темнела здесь в белой стене.

— Проходите, господа хорошие, — смиренно сказал Крапивин и посторонился. Но офицер снова ткнул его стволом нагана и выкрикнул со злостью:

— Иди впереди, скотина!

Крапивин нырнул в дверь. За ним вошли офицер и солдаты. Здесь было сумрачно и сыро. В углу высилась горка угля, у стен тянулись какие-то трубы. Холодный

липкий пар садился на лица. Офицер растерянно оглянулся, не понимая, куда попал. В это время в стороне скрипнула дверь и чей-то голос сказал: «Сюда, Матвеевич!» В ту же минуту Крапивин метнулся в сторону. Офицер выстрелил, но промахнулся. А мастер уже скрылся за черной узкой дверью, которая вела в другое помещение. Чертыхаясь, офицер подбежал к этой двери, но она оказалась крепко закрытой.

— Ломайте! — заорал он солдатам.

Но тут послышался свист, и помещение, низкое и темное, стало быстро наполняться горячим паром. Как слепые, солдаты натыкались друг на друга, спотыкались.

— На улицу выходи! — закричал офицер.

Дышать уже становилось нечем, когда одному из солдат удалось, наконец, нащупать выходную дверь. Вместе с облаками пара саперы вывалились на улицу, мокрые и жалкие. На них, стараясь удержаться от смеха, смотрели солдаты наружного оцепления. Особенно смешон был офицер — весь перепачканный мазутом и мокрый.

— Перекрестили его благородие! — прыснул кто-то.

— Доставай взрывчатку! — заорал офицер, видя, что никто из его команды не вынес с собой ящики.

Несколько саперов сунулись было в дверь, но оттуда несло мокрым жгучим жаром, как из парилки.

— Тьфу! Сваришься тут...

Они еще потолкались у двери, не решаясь войти. Со стороны реки послышалась частая ружейная пальба. В ту же минуту раздался крик:

— Пошли, ребята! Бронепоезд пары разводит!

Солдаты оцепления сбились в кучу и толпой пошли к станции. Не оглядываясь на своего офицера, побрели к станции и саперы...

Прошло немного времени, и ворота депо распахнулись. Измученные трехсуточной непрерывной работой, слесари и котельщики оглядывались по сторонам, стараясь понять, что происходит. У реки стреляли, дымил на путях бронепоезд.

Успенский не стал оглядываться, сразу же кинулся к подъему на гору. Стараясь не выделяться на фоне неба — тогда его легко бы заметили со станции, — осторожно стал пробираться между камнями.

— Дядя Федя! — тихо окликнули его.

Он быстро обернулся. Между камнями прятались ребята.

— Ну, рассказывайте, что там? — Успенский показал рукой вниз.

Коля, сбиваясь, начал было рассказывать, как утром они смазали рельсы в выемке и на насыпи, как днем еще спускались вниз и еще прошли по мостику.

— Смотри, задымил как! — прервал его Пашка, показывая на станцию. — Скоро пойдет...

— Да он уж давно так дымит, — отозвался Коля. —

Наверное, ждет, когда все солдаты со станции уйдут... Вон наши! — закричал он.

Сколько Успенский ни всматривался в синеющую за рекой даль, ничего не заметил. Но у ребят, видно, глаза были острее.

— Да как же ты не видишь, дядя Федя? — удивился Коля. — Вот там дымок, и черточка черная движется...

Там, на горизонте, со стороны Перми, приближался поезд. Когда уже можно было различить платформы, заполненные людьми, на станции ударил залп. Снаряды подняли фонтаны мокрой земли на противоположном берегу. С поезда, остановившегося в каменистой выемке за рекой, начали скатывать орудия. Красноармейцы выдвинули их на открытое место, моментально развернули и открыли огонь. Снаряды чуть не долетели до бронепоезда, взметнув тучи гравия на станционных путях. Орудия с того берега ударили еще раз. В ответ послышался один вздох паровоза, другой...

— Пошел? — спросил Пашка, в волнении совсем высовываясь из-за камня. Успенский силой пригнул его к земле и выглянул сам. Там, внизу, быстро двигался к выходу со станции бронепоезд.

Вскоре он скрылся из глаз, обходя гору. Успенский и мальчишки смотрели теперь на север, поплотнее прижавшись к камням, потому что уже не раз над ними тоненько пропели пули.

Из-за горы сначала вынырнул конный отряд и быстро понесся по линии в гору, уходя от Чусовой. Отчетливо слышался перестук копыт. Передние конники держали карабины наизготовку и неожиданно начали стрелять на ходу. Коля чуть приподнялся и увидел, как там, впереди, с линии убегают в сторону какие-то люди. Конники еще раз выстрелили и, нахлестывая коней, скрылись за поворотом.

Явственно стал слышен шум поезда.

Идет!

Из-за склона горы показался черный дымок, а потом стал виден и паровоз, темный, увешанный броневыми плитами. Видно было, что он быстро набирает скорость. Перед коротким мостиком через речку уже успел разогнаться, труба его хлопала резко и часто.

И Коле подумалось, что, пожалуй, все их старания были напрасны. Даже не верилось, что можно остановить эту черную грохочущую громаду.

— Пройдет! — сжав кулаки, тихо сказал он.

Бронепоезд быстро приближался к мостику. И вдруг его вроде бы кто-то дернул назад. Из-под буксующих колес паровоза полетели желтые снопы искр. С ходу поезд еще пробежал мостик, но перед выемкой встал совсем. Паровоз смолк, потом медленно покатил назад, толкая перед собой вереницу бронированных вагонов. Видно, машинист хотел отступить, чтобы набрать скорость. Несколько раз посылал он состав вперед, но перед выемкой поезд останавливался, сколько ни бил паровоз колесами на одном месте.

Стало тихо. Раскрылась бронированная дверь паровоза, и машинист соскочил на бровку полотна. Он прошел вперед по линии, нагнулся, словно обнюхивая рельсы, выпрямился. На глаза ему попало брошенное ребятами ведро из-под мазута. Машинист со злостью пнул его так, что оно улетело далеко в сторону, и стал озираться.

Высыпали колчаковцы из других вагонов. Из штабного спустились на землю офицеры. Они тоже прошли вперед, нагнулись, осматривая рельсы.

— Бегите к станции! — подтолкнул мальчиков Успенский. — Там уже наши! Скажете им...

Река покрылась десятками плотов — красноармейцы переправлялись на правый берег. А десятка два всадни-

ков разогнали коней, въехали на скаку в реку — только брызги полетели — и пустились вплавь, не слезая с седел. Пока кони преодолевали быстрое течение, мальчики успели сбежать к самому берегу. Всадники сразу направились к ним.

— Эй! Парни! — зычно закричал передний, широкий в плечах, чернобровый. — Дёповские, что ли? Там нет беляков?

Он указал стволом карабина на здание станции. А Коле сразу вспомнилась вьюжная ночь, коренастая фигура в кожаной тужурке и зычный крепкий выговор: «Иди в теплушку. Скажешь — от Кравцова...» Конечно же, это тот самый командир, который приходил тогда на паровоз дяди Кости.

— Да нет, удрали все! А бронепоезд ихний там зашел! Его взять можно, если быстро!

— Не заливаете? — серьезно спросил Кравцов. — С чего бы он застрял? Сломался?

— Не-е... Там рельсы намазаны, вот он и буксует...

— Игнатий! — крикнул Кравцов, оборачиваясь. — Скажи Баранову, пусть соберет первый взвод — и цепью!

Кравцов указал стволом карабина на железнодорожную линию, круто заворачивающую за гору.

— Конные, за мной! — глянул на ребят и добавил: — Этих — с собой!

Сильные руки подхватили Колю и Пашку. Кони, храпя, поскакали в подъем.

Бронепоезд стоял на том же месте. Команда и офицеры высыпали из вагонов и бестолково суетились.

— Пугнем? — спросил Кравцов, останавливая коня на вершине горы. Не дожидаясь ответа, он выстрелил из карабина. Тотчас начали стрелять и другие конники. У бронепоезда забежали, засуетились. Маленькие фигурки побежали от линии в сторону — по болотистой низинке, к лесу.

Внизу, на линии, показались красноармейцы. Шли они неровной, ломаной цепью, прочесывая всю долинку. Шли неторопливо, уверенно. Как-то мирно, по-домашнему, в этой цепи то тут, то там всплывали голубенькие дымки махорочных самокруток.

— Смотрите — дёповские! — воскликнул Коля, и все обернулись. Напрямик через гору шли рабочие. Они миновали гребень и теперь спускались по каменистому крутику.

Стальная громада бронепоезда молчала. Только над паровозом клубился легкий парок.

Бойцы и рабочие окружили бронепоезд. С уважением щупали толстые, грубо обрубленные листы стали на вагонах. Ругались у голубенького вагона с темной иконой на двери. Заглянули в банный вагон и в вагон-кухню.

У моельного вагона неожиданно послышался шум: кого-то с шутками и прибаутками вытаскивали из дверей.

— Поп? — изумился Кравцов, увидев маленькую нескладную фигуру в рясе и с белой косой на затылке. — Что не бежал со своими? — хмуро добавил он. — Куда вот теперь тебя?

— Стар я бегать-то, — смиренно ответил попик. — Семидесятый мне — вот как...

— Ладно, потом разберемся. Помогите-ка святому отцу забраться в свою келью... Ну, трогаем, что ли? Кто тут есть из паровозников?

Успенский шагнул вперед. Он направился было к паровозу, но тут бойцы закричали:

— Эй, погоди, усатый! Еще одной важной штуки не хватает!

Из штабного вагона выкинули красную скатерть. Бойцы привязали ее к палке и подозвали Успенского.

— Давай, дядя, поднимай!

— Нет, что вы! — засмутился Успенский, расплываясь в улыбке. — Уж если кому честь, то вот этим парнишкам. Они ведь остановили...

Ребята воткнули крепкое древко в скобы у верхнего люка бронированного вагона, и самодельный флаг тяжело заплескался на ветру.

Успенский уже был на паровозе, озабоченно протирал очки, высунувшись в узкое окно. Бойцы и рабочие забирались кто куда — за обложенные мешками с песком хвостовые орудийные платформы, повисали на подножках вагонов, а то и на стволах пушек, но никто не хотел идти в темные бронированные клетки, всем хотелось быть на виду. На виду оказались и ребята — у левого окошка бронированного паровоза.

Прозвучал резкий свисток. Успенский медленно передвинул регулятор, и бронепоезд сдвинулся с места, пополз задним ходом к станции.

...Всю ночь поселок не спал. Горели костерки на улицах. Околс них расположились усталые бойцы. Вокруг каждого костерка толпились рабочие и вездесущие мальчишки, ошалевшие от радости, от многолюдия. Хозяйки несли к кострам все, что нашли дома съестного. «Кушай-

те на здоровье, — угощали они красноармейцев.. — Теперь, небось, не пропадем...» По-своему старались угодить дорогим гостям и мальчишки: носили воду для умывания, тащили к кострам доски и щепки. Солдаты делились с рабочими табачком, рассказывали о новостях и раздавали ребятишкам бог весть где взятые липкие конфеты.

Коровья речка

Кравцов разложил на столе карту. Когда собрались командиры и можно было открывать совещание, ему доложили, что пришли какие-то старики.

Он велел впустить их, и в сопровождении Успенского вошли двое: один седой, маленький, совсем ветхий, с головой, похожей на одуванчик, другой — в старой, но чистой форме железнодорожника.

— Они, — кивнул на старичков Успенский, — белых свернуть на тракт агитировали. Этот машинистом работал, а другой, — Успенский показал на старичка, похожего на одуванчик, — был когда-то начальником станции.

— Не далее, как три дня назад, — подтвердил «одуванчик», — тут ломал комедию перед господами офицерами.

Кравцов с большим интересом смотрел на него.

— Вы действительно работали начальником станции?

— Да, имел честь окончить железнодорожное училище, трудился всю жизнь на этой дороге.

— Вы что-то хотели сообщить? Не думаю, чтобы вы пришли только затем, чтобы повидать меня.

— Правильно! — дробно, колокольчиком рассмеялся

«одуванчик». — Дело вкратце вот в чем. Старый тракт я хорошо изучил. Знаете, когда был по старости отстранен от работы, надо было чем-то заняться. Я снял топографию всего тракта — вплоть до Тагила. Эти данные достоверны и довольно свежи. А ваша карта снималась очень давно... Ею пусть руководствуются господа офицеры. Вам же нужно не то.

Старик вытащил из портфеля аккуратно сложенные листы бумаги.

— Они пройдут более или менее благополучно вот до сих пор. — Он поставил на самодельной карте отметку карандашом. — Здесь топь. Была гать, но она давно сгнила. Если будете идти следом, ожидайте, что здесь их застанете...

Он помолчал и добавил:

— А этого товарища я пригласил с собой предложить его вам в качестве проводника. Когда я снимал эту карту, он сопровождал меня и лучше, чем кто-либо другой, знает все особенности маршрута.

— Для чего же вы составляли карту? — осведомился Кравцов.

— Видите ли, молодой человек, я думал предложить ее нашему географическому обществу, чтобы они могли внести в картографию Урала, понимаете... Дорога — частность, — увлекаясь, продолжал старик. — Вот здесь, не удивляйтесь, есть золотые россыпи, здесь — выходы каменного угля. Разве этого мало? Есть и алмазы. И не в каком-то ином месте, а именно там, где вы намереваетесь догнать белых, — в окрестностях Кузье-Александровского завода. Вы, красные, будете хозяевами земли. Вам я хочу отдать перед смертью это богатство. Впрочем, вы, наверно, мне не очень верите...

— Почему же не верить? — ответил, улыбнувшись, Кравцов. — Вы, папаша, должны поберечь эту карту.

Скоро уже все окончательно утрясется — вот тогда ваша карта очень народу понадобится. Ну, а пока надо добираться до этой Коровьей речки... Спасибо за проводника.

Старик церемонно раскланялся и ушел. Командиры вновь склонились над картой. Наконец решение было принято. Основные силы будут продвигаться эшелонами по линии железной дороги, где предстоит наладить регулярное движение. Все конные бойцы пойдут старым трактом, чтобы гнать отступившего в леса противника, не давая ему остановиться. Сам собой решился и вопрос о проводниках: выбрали старика-машиниста и Успенского, с которым Кравцов уже успел подружиться.

— Просьбишка одна есть, — сказал Успенский, обращаясь сразу ко всем. — Парнишка просится с нами. У него друг потерялся... Да вы знаете, о ком речь — помощник, что крушение на перевале устроил. Он тогда и исчез. Наверное, блудит в тайге. Не дай бог, попадет к белым в руки.

— Там детям не место, — негромко сказал Кравцов. — Мало ли, перестрелка...

— Нельзя так нельзя, — вздохнул Успенский.

Разговор как-то сразу оборвался, наступила тишина. Кравцов уже встал, давая знать, что совещание окончено, но вдруг снова сел и спросил:

— А он, твой парнишка-то, не из тех?

— Да, да! — с готовностью отозвался Успенский. — Он тогда флаг-то поднимал. Беловолосый.

— Ну, раз тот — другое дело, — смягчился Кравцов. — Такому нельзя отказать.

Кравцова заторопили: его ждали в депо. Вернулись на дрезине выезжавшие на перевал рабочие, привезли тело машиниста Ежова. Дядю Костю положили в обитый кумачом гроб, который поставили в «бригадирке» —

в помещении, где машинисты коротают время перед рейсом, где получают путевки. Отсюда за многие годы работы дядя Костя тысячи раз отправлялся в нелегкие рейсы к Тагилу, Соликамску, Перми. Отсюда, решили железнодорожники, пусть отправится он и в последний путь.

Приехавшие рассказали, что видели на перевале. Там, под откосом, горой громоздились изувеченные вагоны, валялись орудия и походные кухни, под обломками нашли много трупов — налетевший из темноты «декапот» застал многих белых солдат у состава. Сам паровоз лежал на боку, далеко от линии. А своего хозяина, машиниста, паровоз не задел, сойдя с рельсов саженью дальше того места, где лежало тело дяди Кости. Близ места крушения стоял брошенный белыми состав, отправленный впереди бронепоезда.

— Дружно взялись мужики, — рассказывали железнодорожники о ремонтных бригадах. — Через сутки, пожалуй, можно будет и движение налаживать по-настоящему.

Гадали, куда подевался Мишка Костромин. Если даже пошел тайгой, должен был бы уже объявиться на станции. Не иначе, попал в беду парень.

Из бригадирки Кравцов прошел к ремонтникам.

— Ну как, товарищи, плохо? — спросил он у рабочих.

— Наладим! — ответил за всех краснолицый рябой мастер. — Теперь хоть есть для чего стараться: вроде бы порядок насовсем устанавливается. А то — одна власть, другая, каждый по-своему, тьфу!

— Ты не егози, Крапивин! — жестко остановил мастера один из слесарей. Был он страшно худой, в дыры грязной рубахи виднелся такой же грязный живот. — Говори прямо, сколько паровозов к какому сроку дадим.

Крапивин задумался, беззвучно шевеля губами.

— Ту «овечку», что у забора стоит, — можно пустить. Еще бы надо с заводских путей вытащить парочку — их тогда как загнали в тупичок, так белые о них и не дознались.

— Ну, это уже кое-что, — обрадовался Кравцов. — Ставьте их побыстрее.

— Господи! — воскликнул Крапивин. — Для своих, да не сделаем?!

Кто-то из рабочих проворчал:

— Это еще надо посмотреть: кто тебе свой, а кто чужой...

Другой одернул его:

— А что Крапивин? Он к депо, к работе — душой прикипел.

Повеселевший мастер начал распоряжаться. Он, как и прежде, суетливо бегал от одной группы рабочих к другой, кричал и ругался. А потом случилось такое, что даже старые рабочие покачали от удивления головами: Крапивин открыл кладовку. Знали, что там стоит бутылка спирту. Еще знали, что мастер никому не позволял туда заглядывать. Самые невероятные слухи ходили, вплоть до того, что у мастера там устроен потайной подземный ход к своему дому. На деле же оказалось, что хранился в кладовке просто запас новеньких паровозных частей. Целый клад! Блестящие клапаны от регуляторов и инжекторов, новенькие, аккуратно смазанные связки золотниковых и поршневых колец.

Богатство крапивинской кладовки пришлось очень кстати. Точить все эти детали в механическом пришлось бы много дней. А сейчас рабочие быстро устанавливали их на паровозы. Уже к вечеру один из паровозов поставили на растопку и принялись за другой. Крапивин бегал, кричал, ругался, но теперь под его «песню» даже как-то веселее работалось.

Конный отряд выступил с утра. Вначале тракт был довольно чистый. Далеко вперед ушел головной дозор. Успенский уехал с ним, оставив Колю с основным отрядом.

Дорога обходила сопки, вздымалась на увалы, сбегала с них. Не было конца поворотам. Иногда тракт выходил на открытые места в поймах речушек. Но больше путь шел под густым пологом пихтового леса, где было сыро и сумеречно. Даже на крутых склонах из-под корней придорожных столетних пихт и елей сочились вода. Она сливалась в чуть приметные ручейки, прячущиеся в траве, журчала в старых колеях, хлюпала под копытами коней. Даже не верилось, что там, над пологом пихтача, в разгаре день и ярко горит июльское солнце.

Рядом к Колей ехал молоденький боец в ладно подогнанной кавалерийской шинели, в новеньком шлеме. Имя его Коля запомнил еще тогда, у реки, когда Кравцов крикнул: «Игнатий!»

— Вообще-то я просто Гнат, — весело рассказывал новый знакомый. — Так меня matka звала. Я с Украины. Тут у нас всякие: есть кавказцы, есть с Кубани, с Москвы и Питера. Так ты думаешь, найдешь свою товарища?

— А ты откуда знаешь? — удивленно спросил Коля.

— Ха... Сорока сказала! Только знаешь что? Если так ехать, то лучше было бы тебе и не ездить. И без тебя бы нашли...

— А как надо?

— Надо шукаты, — ответил Гнат. — По сторонам. Знаешь что? Видишь горушку? Въедем, осмотримся?

Пропустив весь отряд, Коля и Игнатий отстали и свернули в неширокую долинку, поросшую кустарником.

Конь у Коли был рослый и неторопливый, заметно отставал, и Игнатий досадливо морщился, придерживая своего буланого горячего меринка.

— Ты стегни его! — советовал он Коле. — Видишь, он тебя не боится, вот и переступает...

Наконец Игнатий не выдержал и уехал вперед. На склоне холма он подождал Колю.

— Ты как едешь? — напустился он на него вполголоса. — Кусты — рядом, а ты по открытому месту! Стой, не выезжай на вершину...

— А что?

— Вот дурная голова! Таких вот и подстреливают. Выедет — весь на виду, хоть с которой стороны в него целься.

Оставив коней в кустах, они осторожно выбрались на вершину холма, голую и плоскую. Даже камни, которые здесь лежали, были плоские, как плиты. Между ними пробивалась ключая сухая трава. Вдали чуть угадывалась синева широкой горной долины.

— Там что? — спросил Игнатий.

— Железная дорога.

— Ага! Если твой браток пошел бы оттуда напрямиком, попал бы, небось, сразу вон в ту долинку, впереди, видишь? Вот где надо шукать.

Коля присмотрелся и не мог не согласиться с Игнатом. В самом деле, самый удобный и прямой путь для Мишки был там. От большой долины рукавом отходила в сопки другая, более крутая и узкая. Крутые сопки, стоявшие по сторонам, не пустили бы Мишку уйти в ином направлении.

Они спустились с холмика и, чутко прислушиваясь, направились к дороге. Там Игнатий гикнул и помчался вперед рысью. Разбежался конь и у Коли. Скоро они догнали отряд.

Уже перед вечером навстречу прискакал связной. Командир, выслушав его доклад, уехал вперед, быстро обгоняя колонну бойцов. Оказалось, дозор наткнулся на солдата, первого белого солдата. Пожилой, грязный, истощенный, он лежал на небольшой лесной лужайке среди желтых лютиков и смотрел в небо. На вопросы отвечал, как в бреду. Проклинал какие-то пушки, какого-то «благородия». Бойцы спешили и обступили солдата с любопытством — все-таки первая ласточка.

— Жар у него. Оставьте, санитары подберут, — сказал командир группы и закричал: — По коням!

Потом такие больные, измученные солдаты, оставшие от белогвардейской колонны, уже не вызывали ни удивления, ни жалости. Их просто объезжали. Чаще стали попадаться павшие или пристреленные лошади, брошенные разбитые повозки.

С холма долина казалась близкой. Но уже кончался день, а она все так же маячила далеко впереди. Командир не торопился и объявил привал, едва только солнце коснулось горизонта. Остановились у речушки, где выметалась добрая трава и можно было пустить коней пастись. Коля прикорнул у костра, но спал плохо, слышал, как сменялись караулы, как то один, то другой боец поднимались чтобы проведать коней.

Только на другой день, уже после обеденного привала, они достигли, наконец, той долины. Издали казалось, что сжата она невысокими сопками. Вблизи же стало видно, что это настоящие горы с отвесными склонами.

Игнатий и Коля свернули с тракта и углубились в долину. Ехали руслом каменистого ручейка. Совсем близко с обеих сторон подступали вековые ели, покрытые клочьями седого мха.

— Стой! — вдруг прошептал Игнатий и проворно взял карабин наизготовку.

Из-за поворота показался человек. Поверх длинной черной рубахи он был подпоясан толстой веревкой, за которую заткнул топор. Увидев ребят, он остановился и схватился за рукоятку топора.

— Ну-ну, батя! — предостерегающе и негромко сказал Игнатий.

Незнакомец медленно опустил руку.

— Никак, красные? — неуверенно спросил он.

Было в нем что-то простодушное, искреннее. Игнатий подъехал к нему поближе.

— Паренек ко мне пристал, значит, — сбивчиво начал незнакомец. — По одеже — мастеровой вроде бы. Дом у меня тут. А он ночью шел горами, сорвался. Как раз напротив двора. Доктора надо — умирает парень-то.

— Мишка! — воскликнул Коля.

До избы оказалось не так уж далеко. Стояла она в верховьях ручейка. Грозно вздымался за ней голый, усыпанный глыбами камня склон. Постройки были старинные, осевшие от времени и непогоды. В стороне дымил удушливым смрадом угольный курень: война не война, а хозяин продолжал свою работу, припасал уголь для зимней продажи.

Мишка лежал в горнице. Он тяжело и прерывисто дышал. Хозяин, как мог, прибинтовал ему к груди разбитую руку, обвязал чистыми тряпками голову. Трудно было узнать Мишку — настолько он исхудал, так плотно были обтянуты желтой кожей его выступающие скулы.

— Ночь-то больно темная была и ветреная, — рассказывал куренщик. — Тут и мне по горам не пройти. А ему, мастеровому, куда же? И кто его гнал в такую пору? Ох, неспроста тут что-то. Вона откуда летел! Грудь, главное, повредил и опять же голову, тоже не шутка...

Куренщик показал на высящийся над домом каменный склон.

Игнатий уехал. Только к вечеру он вернулся с доктором, которому командир наказал сделать все возможное. Доктор долго ощупывал Мишку, припадал ухом к его груди.

Когда он выпрямился, лицо было серьезно и печально.

— Плохо? — вырвалось у Коли.

— Как же мы доставим его в город? — спросил вместо ответа доктор.

Куренщик связал из легких сухих жердей что-то вроде носилок. Уже в сумерках Мишку понесли на руках руслом ручья к тракту. Там ждала повозка. Коля долго провожал повозку взглядом, не зная, встретится ли он еще с разбитным, злым на язык, но таким хорошим товарищем.

Игнатий тронул его за плечо: пора было ехать, они и так далеко отстали от отряда. Коля чувствовал, что за день смертельно устал, и очень обрадовался, увидев впереди огни большого привала.

* * *

Следующее утро выдалось хмурое. Едва отряд выступил, пошел дождь. Ехать с каждой минутой становилось все труднее. Копыта коней чавкали в раскисшей лесной земле. С каждого куста окатывало потоком брызг.

— Если их дождик застал у Коровьей речки, то там они сейчас и

есть, — говорил машинист-проводник командиру. — Там в сухую погоду, после трех-четырёх недель вёдра еще можно бывает и с телегой проехать. А чуть дождик — прет водичка, вздымается болотина.

Командир хмурился, прислушиваясь к шуму дождя и чавканью копыт.

— А далеко еще? — спросил он.

— Версты четыре.

Успенский, ехавший рядом с командиром, обернулся к Коле и Игнатию:

— А вы, мальцы, останьтесь пока. Не дело вам вперед сейчас лезть!

И было в его голосе, напряженном и звенящем, что-то такое, что даже Игнатий сразу придержал коня, пропуская мимо себя колонну бойцов.

Впереди хлопнул сначала одиночный выстрел, потом они затрещали пачками. Разбрызгивая грязь, нахлестывая коней, мимо мальчиков понесли бойцы, рассыпаясь цепью.

— Ну, и мы едем! — нетерпеливо сказал Игнатий. — Эх, если б мне не тебя сторожить — был бы сейчас та-ма...

В голосе его слышалась откровенная досада, но Коля не обиделся — не до того было.

Они поехали быстрее. Тракт здесь выходил в широкую и плоскую долину. Она раздольно светлела впереди, и видно было, как висят над ней лохматые клочья низких дождевых туч, как тянутся от них к земле бледные нити дождя. Перестрелка стихла так же быстро, как и разгорелась.

Коровья речка образовала широкую болотистую пойму В старое время, когда строили тракт, через болотину выложили длинную гать из толстых трехсаженных бревен. На ней могли разъехаться и самые громоздкие подводы.

Было время, за гатью ухаживали, подновляли ее. Но забросили тракт, и гать постепенно сгнила. Здесь, на этой гиблой переправе, и застали конники сотни три белых солдат.

Когда Коля и Игнатий пробились, наконец, к началу гати, там кучей жались оборванные и грязные колчаковцы. Их винтовки, заплечные мешки, котелки и другая солдатская рухлядь были свалены в кучу.

Основная же масса колчаковцев была впереди — она успела миновать гиблое место. Но какой ценой! Никогда Коля не видел столько брошенного скарба. На подступах к гати и дальше, на болоте, валялись полужасосанные грязью пушки и повозки, походные кухни, снаряженные ящики.

— Товарищ командир! Они и винтовки побросали! — сказал один из бойцов. — Совсем, значит, запаниковали. Какую всей ихней армии...

Он поднял из лужи одну из винтовок, вытряхнул на ладонь патроны.

— Ремингтон, английская, — сказал он, взвешивая патроны на ладони. — Так что и англичанка не помогла благородиям...

Их много валялось, винтовок, — тысячи. Грудами лежали цинковые ящики, полные патронов, подсумки. И командир думал о том, что когда теряют пушки — это еще не значит, что армия погибла. Но брошенные винтовки говорят о другом. Дальше пошла уже не армия, а толпа, без командиров, не управляемая. Надо ждать теперь, что к Тагилу и Кушве, к железнодорожным станциям между Бисером и горой Благодатью день за днем будут выходить из леса оборванные изможденные люди, станут клясться и божиться, что шли воевать против Советской власти не по своей воле...

Его раздумья неожиданно прервал звонкий свист.

Один из пленных, моложавый, одетый в порванную и заляпанную грязью солдатскую шинель, безучастно глядел на заваленную армейским барахлом низину и пронзительно насвистывал.

Услышав свист, Коля Стародумов вздрогнул. Ему сразу вспомнилась морозная ночь, сани, на которых они с Пашкой везли пулемет к третьей версте, перчатка офицера, поглаживающая пулеметный кожух, высокий голос: «Оставьте, поручик! Я сам — много ли их тут!»

Коля тронул командира за локоть.

— Офицер это! наших расстреливал! Тятюку моего...

Свист сразу оборвался. Человек в солдатской шинели повернулся на звонкий выкрик.

— Офицер? — спросил командир. — Что так вырядился? Офицер, спрашиваю?

Тот молчал. Другие пленные, степенные бородатые мужики, сторонились его.

— Благодире, — сказал наконец один из них хмуро. — Как есть — офицер. С бронепоезда. Недавно к нам прибился.

Когда специальный наряд повел пленных к Чусовой, командир распорядился вести офицера отдельно.

— Вздумает бежать, оглушите и свяжите. Но привезите живым, его рабочие должны судить...

Бойцы рассыпались по низине, рылись в брошенном колчаковцами добре. Но командир уже нетерпеливо поглядывал на часы.

— По коням! — закричал он. — Без нас здесь все приберут. Надо, товарищи, пройти весь тракт... До конца! Чтобы чисто было!

Сильные кавалерийские кони храпели, вступая на неверную полусгнившую гать, проваливались порой по брюхо, но продвигались вперед. К вечеру тяжелая топь осталась позади...

Никогда раньше не видел Коля столько красных флагов. Ясным солнечным утром вышли на крутой берег светлой Усьвы, на старое кладбище, тысячи металлургов и железнодорожников.

Шли туда, где у самого обрыва темнела земля братских могил. Много тут лежало чусовлян, замученных колчаковцами. Были среди погибших большевики и комсомольцы, ставившие Советскую власть в этих краях. Но много было и простых людей, арестованных по наговору или ложному доносу, расстрелянных так, «для остратки».

В последние дни здесь шла горячая работа. Везли камень, кирпич, известку. Над братской могилой, где покоился и Трифон Стародумов, легла уступами тяжелая плита, поднялся узкий, устремленный в небо обелиск. Вокруг могилы расставили витые столбы, на них растянули массивные, из чусовского чугуна отлитые цепи.

На трибуне стоял пожилой рабочий.

— Пока хоть один из нас будет в живых, — говорил он, потрясая тяжелым кулаком, — мы будем ежегодно приходить сюда в этот день — день освобождения Урала от Колчака, чтобы почтить память наших погибших товарищей. Как бы далеко ни разбросала нас в будущем судьба, в этот день, клянемся, мы будем собираться у могилы товарищей, павших за правое дело. Их светлая память — завещание нам беречь родную Советскую власть как зеницу ока!

И тысячи голосов отозвались оратору: «Клянемся! Клянемся!»

— Прощай, отец! — сказал Коля и крепче сжал руку плачущей матери.

ОГЛАВЛЕНИЕ

5	Деповский мальчик
14	Черные ночи
27	Мост
48	Перевал
60	Не уйдут!
86	Коровья речка

**Александр Иванович
Белоусов**

ОНИ НЕ УЙДУТ

3

**Редактор А. М. Граевский.
Художественный редактор
В. В. Вагин. Технический ре-
дактор А. И. Карасев. Коррек-
торы И. Л. Пархомовская,
Е. П. Божанова.**

Сдано в набор 4. VIII. 1967 г. Под-
писано в печать 1. XI. 1967 г. Фор-
мат 70×108^{1/32}. Тип. бум. № 2. Бум.
л. 1,625, печ. л. 3,25, усл. печ. л. 4,55,
уч.-изд. л. 4,307. ЛБ02352. Тираж
15 000 экз. Цена 22 коп. Пермское
книжное издательство. Пермь,
К. Маркса, 30. Книжная типогра-
фия № 2 управления по печати.
Пермь, Коммунистическая, 57.
Зак. 1155.

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Библиотека путешествий и приключений

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

- Выпуск 1. А. Домнин. **Дикарь**. Цена 6 коп.
Выпуск 2. М. Заплатин. **На гору каменных идолов**. Цена 12 коп.
Выпуск 3. Н. Чернышев. **Западня**. Цена 8 коп.
Выпуск 4. А. Ромашов. **Лесные всадники**. Цена 11 коп.
Выпуск 5. Ю. Вылежнев. **На лосях**. Цена 13 коп.
Выпуск 6. А. Белоусов. **Камень нерушимый**. Цена 9 коп.
Выпуск 7. А. Соколов. **Пламя над тайгой**. Цена 6 коп.
Выпуск 8. А. Крашенинников. **В лабиринтах страны Карст**. Цена 6 коп.
Выпуск 10. А. Граевский. **На север!** Цена 8 коп.
Выпуск 11. А. Ромашов. **Золотой исток**. Цена 10 коп.
Выпуск 12. В. Волосков. **На перепутье**. Цена 7 коп.
Выпуск 13. В. Занадворов. **Медная гора**. Цена 14 коп.
Выпуск 14. М. Заплатин. **Вдоль Каменного пояса**. Цена 17 коп.
Выпуск 15. Ю. Курочкин. **Легенда о Золотой Бабе**. Цена 29 коп.
Выпуск 16. А. Ромашов. **Земля для всех**. Цена 11 коп.
Выпуск 17. О. Селянкин. **«Ваня Коммунист»**. Цена 11 коп.
Выпуск 18. Л. Фомин. **Лесная повесть**. Цена 8 коп.
Выпуск 19. А. Домнин. **Поход на Югру**. Цена 6 коп.
Выпуск 20. В. Матвеев. **Золотой поезд**. Цена 25 коп.
Выпуск 21. В. Волосков. **Операция продолжается**. Цена 33 коп.
Выпуск 22. Д. Мамин-Сибиряк. **Бойцы**. Цена 32 коп.
Выпуск 23. Г. Бабаков. **Тигр наступает**. Цена 23 коп.
Выпуск 24. Г. Солодников. **Ледовый рейс**. Цена 23 коп.
Выпуск 25. В. Оборин. **Немые свидетели**. Цена 22 коп.
Выпуск 26. М. Зуев-Ордынец. **Хлопушин поиск**. Цена 32 коп.
Выпуск 27. А. Граевский. **Морской узел**. Цена 25 коп.
Выпуск 28. Л. Фомин. **Мы идем на Кваркуш**. Цена 29 коп.
Выпуск 29. В. Соснин. **Охота без выстрела**. Цена 20 коп.
Выпуск 30. А. Кузнецов. **Тайна римского саркофага**. Цена 34 коп.
Выпуск 31. В. Акимов. **Вне закона**. Цена 27 коп.